

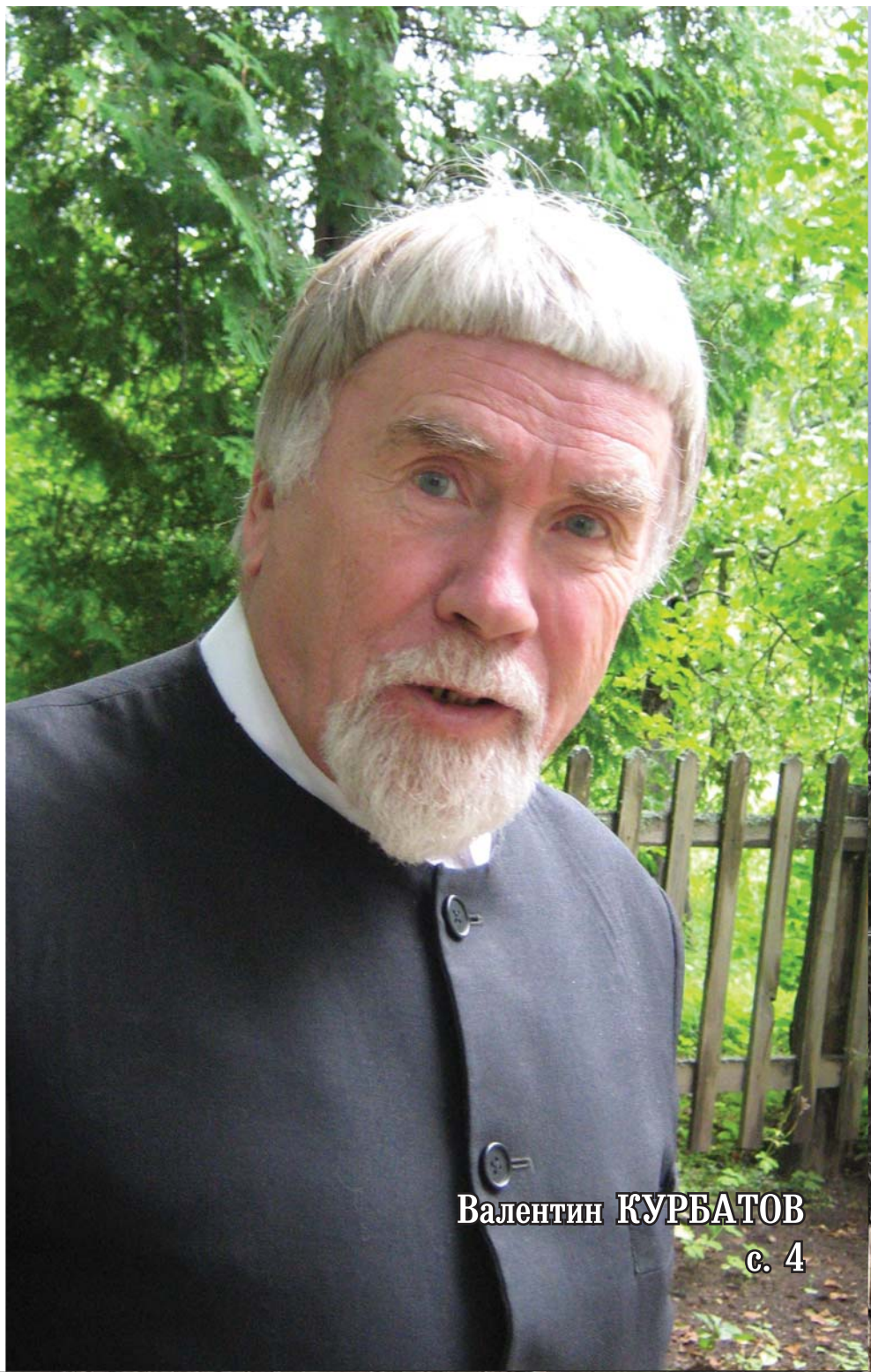
www.Litmeridian.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Основан 15 января 2008 года

Культурно-просветительское художественное издание

№ 9 (47)/2011
СЕНТЯБРЬ

Валентин КУРБАТОВ

с. 4

ЯСЕНЬ МАНЧЖУРСКИЙ
 ПОСАЖЕН В 1911 ГОДУ
АРСЕНЬЕВЫМ
ВЛАДИМИРОМ КЛАВДИЕВИЧЕМ —
 ПУТЕШЕСТВЕННИКОМ, УЧЕНЫМ,
 ЛЕКТОРЕМ, АВТОРОМ КНИГ
 «ПО УССУРИЙСКОМУ КРАЮ»,
 «ДЕРСУ-УЗАДА» —
 ПО СЛУЧАЮ ПРИЕЗДА
 НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК
 БРАТА
АЛЕКСАНДРА КЛАВДИЕВИЧА.

На перекрёстке хабаровских улиц Муравьёва-Амурского и Шеронова вот уже 100 лет растёт ясень, посаженный Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым.

От имени редколлегии и читателей «Литературного меридиана» выражаю признательность правительству Хабаровского края за бережное отношение к памяти великого русского путешественника и писателя.

Владимир Костылев

Фото Алексея БОГДАНОВА, г. Хабаровск

© «ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН»
Все права защищены.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Россия, Приморский край,
692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.
Тел. (+7) 914-666-1-999
(с 01.00 до 15.00 по Москве)
E-mail: Lm-red@mail.ru

Главный редактор –

Владимир КОСТЫЛЕВ

г. Арсеньев Приморского края.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Геннадий БОГДАНОВ,
зам. главного редактора, г. Хабаровск.

Ирина БАНКРАШКОВА, г. Хабаровск.

Сергей БАРАБАШ, г. Владивосток.

Иван КОНЧАТНЫЙ,
г. Арсеньев Приморского края.

Эльвира КОЧЕТКОВА, г. Владивосток.

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ
СОВЕТ:**

Юрий КАБАНКОВ,
Валентин КУРБАТОВ,
Руслана ЛЯШЕВА,
Георгий НАЗИМОВ,
Вячеслав ПРОТАСОВ,
Владимир ТЫЦКИХ

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Редакция в переписку не вступает.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.

«Литературный меридиан» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Рег. ПИ № ФС 77-33178 от 18 сентября 2008 г.

Учредитель: Костылев В.А.

Соучредитель: коллектив редколлегии.

Объем издания – 6 печатных листов.

Тираж 600 экз.

Номер подписан в печать по графику и фактически 17 августа в 17-00.

Отпечатано в ООО «Типография № 6», г. Арсеньев, пр. Горького, 1. Цена свободная.

**ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ
НА БЕЗГОНОРАРНОЙ ОСНОВЕ**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Сентябрь 2011 года

№ 9 (47)

- с. 2. **Истоки.** Владимир КОСТЫЛЕВ
- с. 4. **Уроки сердцеведения.** Валентин КУРБАТОВ
- с. 6. **Проза.** Геннадий ПЕТЕЛИН
- с. 10. **Маэстро.** Евгений ВЕСНИК
- с. 12. **Поэзия.** Алексей ГРИГОРЬЕВ
- с. 13. **Поэзия.** Андрей КОЗЫРЕВ
- с. 14. **Путеводитель.** Юрий КАБАНКОВ
- с. 16. **Поэзия.** Галина ЯКУНИНА
- с. 16. **Поэзия.** Анастасия КАРАВАЕВА
- с. 17. **Поэзия.** Олег МАНЗАНОВ
- с. 18. **Проза.** Андрей УГЛИЦКИХ
- с. 20. **Драматургия.** Максим ЗАРЕЗИН
- с. 23. **Письмо в редакцию.**

ПЕРЕУЛОК КУРСКИЙ

Минувшей весной один из моих случайных знакомых – N, геолог и по совместительству провинциальный литератор, в нечаянной беседе со свойственной многим творческим людям категоричностью отстаивал, безусловно, у кого-то позаимствованную им мысль о написании слова *родина* исключительно с прописной – Родина. Мой приятель находился в той возбуждённой стадии уверенности в априорной истинности своих высказываний, когда ни прислушаться к мнению собеседника, ни пожелать освежить в памяти подзабытые за давностью лет основы правописания, ни довериться ссылкам на словарно-энциклопедические источники для заядлого спорщика не представляется возможным. С немалой долей самолюбования, повторяясь, сбиваясь и горячась, а временами и противореча самому себе, N твердил о любви человека к родным местам, единственно верным с формальной точки зрения проявлением которой геолог считал заглавную букву «Р» в слове родина.

Ввязываться в бесполезный спор у меня не было никакого желания и поэтому, искренне порадовавшись высокому чувству любви, освещающему жизненный путь N, я пожелал собеседнику доброго здоровья и – с его согласия – посоветовал ему почаще брать в руки на предмет вдумчивого чтения книги русских классиков – Николая Лескова, Льва Толстого, Фёдора Достоевского, Ивана Тургенева, Валентина Распутина, Владимира Крупина, Василия Шукшина.

* * *

Виктор Петрович Астафьев устами Васи-поляка, одного из героев книги «Последний поклон», сказал: «Если у человека нет матери, нет отца, но есть родина, – он ещё не сирота. Всё проходит: любовь, сожаление о ней, горечь утрат, даже боль от ран проходит, но никогда-никогда не проходит и не гаснет тоска по родине...».

Прочитав однажды эти замечательные слова, я живу удивлённым их простотой и той выстраданной Истиной, которая не только не может даже на робкое мгновение подвергнуться сомнению, но и сама – и свет народной мудрости, и радость понимания красоты земной и небесной, и спасение каждому в горькую минуту.

Нам, живущим в тысячелетие настолько высоких скоростей, что всюду, как ни торопишься, непоправимо опаздываешь, лестно тешить себя нарочито «верным» правописанием коренных слов; нам, узникам (едва ли не рабам) собственных притязаний на «заслуженные (вне зависимости от образа жизни) блага цивилизации», приятно вспоминать о собственных мифических истоках, затерявшихся в исторической дали. И то верно: чем не милое времяпрепровождение – вечером, после многочасового пребывания в стенах офиса, поразмышлять «о родине»?

Только что же оно такое – родина? Где это? И – повторяя слова известной песни – «с чего же она начинается»?

Кажется, никуда и не нужно ходить в поисках родины, только оглянись вокруг, и едва ли ты останешься равнодушным к природной гармонии, которая ещё сохраняется вопреки желанию человека перекроить Божий мир на свой лад; вряд ли ты сумеешь не восхититься вольной широтой родной земли, вобравшей в себя многовековой уклад народной жизни и подарившей тебе счастье первого вдоха, дрожь первого шага и само право называться человеком.

В удивительный ряд выстраиваются слова: род – родова – родинка – родители – родной – родить – родничок – родина...

* * *

Иногда, имея в виду собственно место рождения или жительства человека, говорят о его «малой родине».

Не берусь судить об уместности дробления хотя бы только понятия «родина» на большую и малую. Чем-то это деление, видимо, оправдано, хотя и не имею права утверждать, что для меня.

Годы не жалеют человека, это же справедливо и для всего прочего, окружающего нас, – деревьев, улиц, зданий... В определённый Богом час всякая вещь ветшает, вступает в противоречия с молодым своим преемником.

Не знаю, который уже год нового века минул с тех пор, как очередные хозяева (какие по счету после нас?) снесли старенький дом моей прабабушки Фёклы Семёновны, до недавнего времени мирно соседствовавший со стоящим через забор домом её сына – Алексея Кузьмича и его жены Татьяны Федотовны, моих дедушки и бабушки (дом дедушки и бабушки был продан спустя несколько лет после продажи прабабушкиного).

Сегодня на месте аккуратно побеленного домишки, куда без малого четыре десятка лет назад меня принесли из родильного дома, идёт строительство двухэтажного современного особняка. Наверняка – «со всеми удобствами».

Что и говорить, предприимчивость теперешних хозяев достойна уважения – почему бы и не строиться, если есть возможность и средства, но мне навсегда хочется сохранить в памяти совсем другое: окна старенького дома с неизменным любопытством смотрящие на мир сквозь ореол ярко-синих ставень, добрую улыбку карих глаз прабабушки Фёклы, берёзку, посаженную слева у калитки в честь моего рождения.

* * *

Мир детства у каждого из нас свой. Для одних он – калейдоскоп волшебных событий, для других – горькие воспоминания о наказаниях и трагичных потерях. А как же иначе – и на одной руке все пальцы разные, а люди-то и подавно – в кровь ноги собьёшь, пока по духу близкого своего отыщешь, ну а детское сердце всё больше живёт в плену крайностей: сладкое угощение или рыбий жир, новая игрушка или неслучившийся поход в цирк...

Детство моё почти целиком прошло на Курском переулке – есть такой в городе Арсеньеве. И все ребяческие радости так или иначе связаны с этим навеки милым местом.

Сегодня невозможно вспоминать без невольных слёз, стыдиться которых – грех: в праздничные дни и на выходные родители всегда приводили нас, детей, к дедушке Алёше и бабушке Тане.

Едва мы ступали на порог дедовского дома, дед Алёша поочерёдно каждому из внуков протягивал руки: – Ну, иди – поцёмаемся!

Целуя, он иногда колот меня небритой щекой, но я тут же забывал об этом, когда дед, прикурив папиросу, протягивал именно мне, а не кому-то из младших братьев горящую спичку: – Дуй! И я дул изо всех сил, стараясь показать, что уже большой и задуть какую-то спичку могу с первого раза – такой это пустяк. Спичка гасла, и дед Алёша доверял мне выбросить её в негорящую печь. Инвалид Великой Отечественной, дед Алёша всегда курил только папиросы «Беломорканал», отдавая предпочтение ленинградским.

Беспокойная натура, бабушка Таня, сколько помню, всегда жила в хлопотах по хозяйству: куры, поросёнок, хлопоты на кухне. Вечно не знавшая отдыха, даже в редкие минуты покоя она не спешила предаться безделью и находила себе занятие, пускай и лишённое в моём детском понимании смысла: перекладывала в шкаф бельё, и без того лежащее аккуратными стопками, наводила ревизию в подполе, собрав узелок с нехитрой снедью торопилась на сопку, где у всей нашей родни были огороды.

«На сопке!» За этими волшебными словами скрывалась целая эпоха, наполненная примечательными случаями и неповторимыми приключениями.

Переулок Курский, подобно многим другим переулкам, разделённым надвое улицей 9 Мая, находится на склоне сопки Увальной, которая является отрогом сопки Обзорной и тянется через всю северно-восточную окраину Арсеньева, сходя на нет у железнодорожной станции «Арсеньев».

На сопке мы ловили в подобранные на свалке ржавые жестяные банки жуков-бронзовок. Зелёные и чёрные жуки забавно скрежетали колючими лапками о стенки банки и не подозревали о нелёгком своём будущем: мы привязывали длинные нитки за их лапки и, подбросив в воздух, «запускали». Обрадовавшись свободе, жуки взмывали в небо, но улететь дальше натянувшейся нитки не могли. Зелёные жуки почему-то летали с меньшей охотой и быстрее выдыхались.

На сопку мы с двоюродным братом Костей и его сестрой Ирой убегали ловить рыбу в карьере. На верёвке литровая банка с дырявой капроновой крышкой, внутрь которой мы крошили хлеб – вот и все наши снасти. По возвращении мы стойко переносили бабушкину науку – тонкий прутик, довольные тем, что кошка Муська, съевшая всех пескариков, была другого мнения о нашей рыбалке.

На сопке, верю, до сих пор меня ожидает встреча с детством...

«ПУШКИН. ТАЙНАЯ СВОБОДА»

Валентин КУРБАТОВ,
г. Псков

Глава из книги «Подорожник», г. Иркутск, 2006 г., «Издатель Сапронов»

Я ещё не раз из всех майских поездок (отчего-то все «Конгрессы» и фестивали торопились прийти на май) буду возвращаться в Михайловское – ведь там в первое воскресенье июня родной Пушкинский праздник, от которого уже никуда. Каждый год Михайловское будет мелькать в записях и будет истинным подорожником при всяком пути. И можно, наверное, когда-нибудь выделить в дневниках и записях одни эти дни, и неожиданно станет ясно, что в них всё полно уличным днём и можно спокойно писать историю Отечества по одним Михайловским праздникам – так живо собирает Пушкин русскую душу в самом её живодневном обиходе, словно не разлучается с нами во всякий час, служа нам утешением и опорой. И я понимаю Марину Кудимову, когда – поэт жёсткий и умеющий слышать улицу, не пряча глаз от самого жёсткого зрелища, – она услышит в Пушкине после страшной осени минувшего года самое необходимое, что в свой час спасало Александра Блока, – «тайную свободу», которая всегда крепила зорких детей русской поэзии посреди явной лжесвободы.

*Право слово,
что такого,
оказавшись подле Пскова,
не искать чужого брода? –
Пушкин.
Тайная свобода.*

*М. Кудимова
4 июня 1994, Святые Горы*

Ах, эта свобода! Это пушкинское затягивание. ...Через час у меня закружилась голова. Нет, хватит! «Я избран, чтоб его остановить!» Павел Бунин выступил в псковской областной библиотеке. Тема по нашему времени, да и по основному кругу интересов художника вполне обыкновенная – «Пушкин. Опыт художественного прочтения». И с Пушкина всё и началось, но вскоре мы уже были окружены невыносимым хороводом времён, идей, характеров, исторических безумий, человеческих драм и преступлений. «Все промелькнули перед нами, все побывали тут» – Наполеон, Киплинг, Вордсворт, Гёте, Экклезиаст, пророк Исайя, Пугачёв, Ельцин, Париж, Вена, Лондон... И всё это, как в обнажённом часовом механизме, цеплялось друг за друга, крутилось, пульсировало, катилось и неуклонно шло куда-то в отчётливую вечность, где всё это было внутренне едино и закономерно в своей непостижимости.

Я тут же невольно улыбнулся его собственным воспоминаниям о том, как К.И. Чуковский с театральным гневом повелевал своему секретарю, указывая на тогда ещё Павлика Бунина – школьника, ирониста, умницу, энциклопедиста, начётчика – после таких импровизаций: «Клара, уберите его!» Хотя сразу видно, что Корней Иванович очень любил и эту перебивающую себя беседу, и этот пир цитат, этот «самиздат» жизни, это сопротивление тесному времени, этот возбуждающий воздух словесной игры, потому что тут же за «уберите его» в воспоминаниях следовало:

«Он знает и любит Пушкина. Я – не так хорошо, но тоже (память помогает). Глядя вслед даме с вполне недвусмысленной походкой, он бормочет: «Так и пишет...» – потом, очень свежо: «Кто не любил мою Аглаю?» Ну что же вы?

Я. «Кто за мундир, а кто за ус...»

К.И. «Иной за деньги... (но я тоже врываюсь, не желая отказать от смака, так что получается хором) ... понимаю!»

К.И. (задумчиво) «Иной за то, что был француз...»

Без малого тридцать лет их разновозрастной дружбы были для Павла Бунина (как до этого для Берестова) и школой, и любовью, и спасением в невесёлые дни его в общем неизбалованной жизни. Возраст, очевидно, только придавал очарование игре, делал это словесное музицирование свежее и неутолимее.

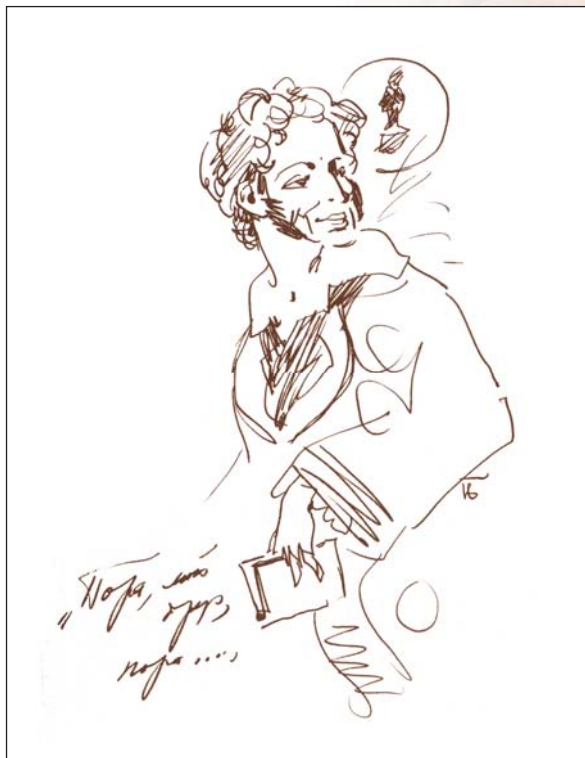
Теперь ему самому за семьдесят лет. Но всё осталось такое же летучее, молодое, всеобнимающее. Культура не знает возрастов – это только для удобства классификаторов мы делим ее, как историю, на античную и классическую, ренессансную и современную, а внутри она течёт себе единой рекой, и Сафо в ней сверстница Ахматовой, а Катулл обнимает Петrarку, и они вместе братски кивают Пушкину.

Большие поэты чувствуют это скорее других, и Пушкин среди них первый, так что можно говорить не об одной его «всемирной отзывчивости», но с тем же правом об отзывчивости всевременной – отчего ему так естественны Пиндары и Анакреоны, Лицинии и Тибуллы, Шекспир и Мильтоны, Вольтеры и Дидероты. И вот оказывается, что и возгоревшийся от Пушкина художник при верно настроенной, готовно отверзтой душе открывается миру и высокой традиции с такой братской живостью и любовью, что и к нему времена устремляются тою же «резвою толпой», как сбегались к поэту.

А что он возгорелся от Пушкина, видно по воспоминаниям (ему не более пяти и он засыпает под бабушкино колыбельное «Буря мглою небо кроет», ему

десять и он уже участник не какой-нибудь обыкновенной тогда, в 1937 году, в столетнюю годовщину смерти поэта, школьной выставки, а особо торжественной выставки в Историческом музее), но более и безусловно это видно по самим работам, по светлой их свободе, моцартовской беспечности и обманчивой лёгкости. Он мог не говорить, что рисовал всегда – это узнаётся по первой линии, хотя школа его была пестра и не по его вине непоследовательна. Но биография (ранняя смерть отца, женское воспитание – матери и бабушки, все виды нищеты) была бессильна перед судьбой, которая как будто шла по другой стороне улицы и знать не хотела никакого

несчастья. Он, как многие из одарённых людей его поколения, дал себе образование сам (или взял его – не знаю, как сказать вернее), вышколив вкус и научившись с младых ногтей не тратить силы на случайное чтение, чем сразу изумлял того же Чуковского. А блестящая память (целые страницы текста не одних поэтов, но хоть Рескина или Карлейля, Карамзина или Гоголя сыпались из него к смущению и изумлению близких и дальних, словно он читал их с листа). И не просто цитировал, а мгновенно находил связи, переклички культур и вер, времён и идей, скоро угадывая единство и цельность Божьего замысла мира.

Кажется, эта «всемирная отзывчивость» пришла к нему вместе с бабушкиным «Буря мглою». Он угадал в музыке пушкинского стиха стоящую за словом полноту жизни, ее счастливый закон, словно вступил в царственное наследство (у Моцарта это звучало как – «всё, что до меня, то моё»). Ум был свободен, сердце чисто, душа светла, рука послушна – он был готов как пушкинский иллюстратор и занял своё единственное место сразу и безусловно, как будто оно было давно определено ему и только ждало часа.

И теперь он уже так и пребывает Пушкинским иллюстратором, что сродни высшему, вроде обергофмейстера, чину при дворе поэта. Всё начерченное им взросло из семени «всемирной отзывчивости» Пушкина, было вдохновлено и благословлено его независимостью и благородством, его дружеством и открытостью миру. И там всё-таки при блеске и точности чаще была хоть и счастливая, но работа, иллюстрация, служение и, в общем, подчинение тексту. А тут – прямая поэзия, братство, весёлое равенство, так что иногда вдруг померещится, что это нарисовано именно пушкинской рукой и нам выпало счастливое чудо – увидеть «неопубликованного» Пушкина, тот па-

раллельный текст на полях, который он нарисовал бы, если бы слово вдруг на минуту изменило ему, а мысль и сердце летели, как прежде. Слово бы ещё только вертелось на языке, а быстрый карандаш уже чертил «арапский профиль», и «разыскательный лорнет», и «темный кров уединенья», и «Божью грозу» Петра, и «колпак юродивого».

Я привожу только два автографа из альбома, а Павел Львович мгновенно исчертил несколько страниц. Могу представить, как в час вдохновения листы осыпают пол его тесной мастерской, как метельный листопад под молодым ветром. Египет и Рим, Греция и Испания – куда бы ни уносился поэт, художник уже был

там, словно поджидал его, и единым росчерком, пятном, бликом, складкой тотчас убеждал, что да – Клеопатра, Анакреон, Дон Гуан, Фауст – время, характер, архитектура, костюм. Так говорит свободное знание, которому не надо ежеминутно справляться в энциклопедиях и каталогах и прибегать к трусливой бухгалтерии деталей из опасения быть изболоченным в незнании. Тут говорит правда чувства, отменяющая вопросы о соответствии этнографии. Здесь торжествующее знание природы мира, но более ли самой культуры, музыки времён и традиций. Он мог бы сказать за Пушкиным:

Друзья мне мертвецы,
парнасские жрецы,
Над полкою простою,
Под тонкою фатою,
Со мной они живут...

Его любимое пушкинское восклицание – «Время незабвенное!» – так он готов говорить не об одном 1812 году, а обо всей пушкинской истории, всему умея найти в ней место: молодой игре и надежде, самозабвенной любви и разочарованию, уединенной печали и государственной мысли, семейному благословению и историческому порицанию. Он коснулся главной загадки Пушкина – его целостности, которая и есть единственная тайна гения. В нём нет случайного и пустого: всё – жизнь, всё – Бог, всё – человек, всё – «время незабвенное».

Ничего не декларируя, он с чудной ясностью показал, что стоит за любимой его, часто повторяемой фразой – «Долгой жизни не получилось у Пушкина, получилась вечная».

По требованию хозяина – с превеликой симпатией.
П. Бунин

СХВАТКА В ТАЙГЕ

Геннадий Иванович родился в 1947 г. в п. Крутой Яр, Приморского края.

Трудовую деятельность начал рядовым рабочим на Ярославском горнообогатительном комбинате. Активно публиковался в местной прессе. С 1969 года и до выхода на заслуженный отдых работал в средствах массовой информации, сначала в Хорольской районной газете «Рассвет», затем в Приморской государственной телерадиокомпании. В 1978 году получил высшее журналистское образование. Некоторое время руководил прессой в качестве заведующего сектором печати, телевидения и радиовещания Приморского крайком КПСС, возглавлял Дальневосточное отделение ТАСС, вел правовые программы на ТВ, являясь одновременно главным редактором студии «Публицист».

Сейчас живет в п.Ярославском. Будучи на пенсии, занимается садоводством и огородничеством. Пишет стихи и прозу, пробует себя в живописи.

Геннадий ПЕТЕЛИН,
п. Ярославский
Приморского края

– Ну, наломали дров! – обращаясь неизвестно к кому, неожиданно громко чертыхнулся Матвеич. Он обвел взглядом таежную панораму, едва узнавая местность. Повсюду, сколько хватало глаз, торчали неохватные пни, как попало, валялись кучи веток с рыжей, уже осыпавшейся хвоей. Чуть пониже в склон шрамом врезался извив лесовозного волока. «Как Мамай прошел, – с досадой подумал о лесорубах старый таежник, – и когда только успели?!» Хотя чему тут удивляться? Годков уж пяток Матвеич сюда не наведывался, не до охоты было. Воспалились суставы, отказывали ноги. Сказались долгие лежки на мерзлой земле – окопная болезнь. Думал уж не поправится. Ан, нет! Помотался по больницам, пару раз съездил на грязи и, представьте, встал на ноги. Теперь после вынужденно долгой разлуки с лесом Матвеич упивался его воздухом, наслаждался причудливым таежным убранством, вслушивался в божественные трели лесных птиц. На всем протяжении давно натоптанного маршрута старик, кажется, помнил каждое дерево, каждую веточку, каждый камень, припорошенный мхом и опавшими листьями.

Вот этим кедром метровой толщины не залюбоваться было невозможно. Гигантский ствол на высоте где-то 15-20 метров прихотливо разветвлялся, образуя три пышные кроны, как правило, усыпанные шишками. Матвеич любил прижаться к исполину, распластав руки, задрать голову, закрыть глаза и постоять так пять минут. Он почти физически ощущал, как сила кедр-богатыря вливается в его тело. Сверху, откуда-то из ветвей, раздавалось тревожное верещание белки – та, видимо, беспокоилась, что Матвеич посягнет на скрытое в ветвях дупло. Терпеливо сидящий рядом Жук обычно деликатно взлаивал, нарушая гармонию единения человека с деревом. «Где же ты попрыгунья сейчас? – послал в пустое небо немой вопрос Матвеич, в сердцах пнул огромный, величиной с обеденный стол, кедровый пенёк и пошел дальше.

Белок Матвеич никогда не убивал. Считал их самыми благородными и полезными обитателями леса. Это благодаря им то тут, то там вырастают кедрачи. Где-то читал старый таежник, что белка, запасаясь на зиму орехами, прячет их в землю, под старую листву,

под коряги и валежины, но находит потом не все. Не съеденные орешки потом прорастают и то тут, то там поднимается кедровый молодняк. Так что белок охотник числил в друзьях леса. Это первое. А второе – Матвеич на охоту ходил исключительно без ружья. Предпочитал капканы, силки, удавки и прочие хитрости. Неприязнь к оружию осталась с войны. Прошел ее сержант, как говорится, от и до. Был разведчиком, снайпером, но сперва автоматчиком. Бывало, прет немец на наши порядки – «папаши» стрекочут, пулеметы захлебываются. Бойцы поливают врага свинцовым дождем, несмотря на строжайший приказ беречь патроны. А Матвеич – одиночными фрицев, одиночными! Один рухнул, другой, третий. Комроты Бурцев приметил «ворошиловские» способности красноармейца Петра Матвеевича Садончука и распорядился выдать ему винтовку, снятую с убитого немецкого снайпера, с цинком патронов в придачу.

– На, сержант, трофейную, разбогатеешь, получишь свою, – сказал ротный старшина со смешной фамилией Посыдько, – а пока бей врага его же оружием. Довольный удачно подвернувшейся случаю крылатой фразой, он улыбнулся в пышные гуцульские усы. И Матвеич бил. Раненько, еще под покровом темноты, уходил на намеченную заранее позицию, тихо, по кошачьи маскировался, а с рассветом уже наблюдал за скрытыми передвижениями противника. Истреблял, в основном, офицеров. Рассуждал так: солдат – человек подневольный, он идет убивать по приказу, а офицер на войне или по убеждению, или по интересу – он-то и есть истинный враг. Матвеич долго, насколько это было возможно, держал цель на мушке и только когда где-то поблизости ухал снаряд или раздавалась автоматная очередь, позволял себе нажать курок. В унисон с грохотом окопной перестрелки раздавался сухой щелчок его выстрела. Немец падал, как подкошенный. При этом снайпер ни разу себя не обнаружил и не промахнулся.

Потому и считал, что перед пулей что человек, что зверь одинаково и обречены, и беспомощны.

...Длинная, чем-то смахивающая на пулеметную очередь, лесная трель вывела старика из нахлынувших воспоминаний. «Это дятел, – безошибочно опре-

делил Матвейч, – зазывает подругу в свое гнездо». И точно. Слух уловил отдаленную дробь другого дятла по сухой лесине. Весна была в самом разгаре, земля парила, подрост уже обзавелся ярко-салатной еще узловатой листвой, из-под слежавшихся листьев и хвои выглядывали редкие весенние цветы. А по каменистым склонам порхали малиновые облачка багульника. Матвейч любил эту пору в лесу. Все здесь оживало после долгой зимней спячки, дышалось легко, и ноги, казалось, сами несли его к тому месту, где он, можно сказать, заново родился. Но годы брали свое. Он все чаще присаживался передохнуть, а иногда лез в карман и доставал таблетку под язык. Старик чувствовал: это его последняя таежная «одиссея», а воинский долг гнал его вперед.

Дальше распадок раздваивался, напоровшись на острое ребро пирамидальной сопки, сплошь покрытой щетиной дубняка. Здесь Матвейч по зиме вместе с Жукком обычно перебирались через скрытый под ледовым панцирем ключ и двигались по причудливым наледям, придерживаясь южного склона и избегая промоин. Пес, как всегда, вил петли по сторонам, порой вообще исчезая из виду: что-то там себе вынюхивал, греб лапами прошлогоднюю листву, островками торчащую из-под снега, будто что-то искал. Потом шумно со всего маху выкатывался на тропу, с укоризной тьякал, мол, не слишком ли медленно мы идем, и опять скрывался где-нибудь в зарослях. Он знал маршруты не хуже хозяина и, как разведчик, вовремя предупреждал об опасности. То облает замаскировавшуюся в ветвях рысь, то загонит куда подальше росомуху, то поднимет с лежки семейку кабанов. Потом вернется и радостным лаем докладывает хозяину о своих «охотничьих» успехах. Матвейч поощрительно похлопывал Жука по холке и подавал команду «Вперед!».

...Серебряный ключ, как всегда в начале мая, оказался полноводным. Хрустально прозрачные струи стремительно неслись по давно вымытому руслу, облизывая и без того блестящие валуны. Поиск глазами знакомый брод, Матвейч привычно по камням переправился через поток, почти не замочив подошвы. Берег, по которому охотник последовал дальше, выглядел более пологим и не столь заросшим. Идти было легче, во всяком случае не попадались омуты и буреломы, обходя которые путник должен был прихватывать крутой склон. Но самое главное, здесь отчетливо читалась звериная тропа. Где-то здесь начинались охотничьи угодья Матвейча.

Ну, насчет угодий это сильно сказано. Просто в местном охотхозяйстве отвели старику за боевые заслуги небольшой пятачок тайги вдоль ключа серебряного, чтоб было, где душу отвести. И живность тут водилась разнообразная, и от дома недалеко – за день туда-сюда можно обернуться. Промышлял Матвейч, в основном, мелким пушным зверьем, да на кабаргу ставил силки.

К охоте Матвейч всегда готовился неспешно и основательно.

Доставал из кладовки еще фронтальной рюкзак, раскладывал на столе всю охотничью амуницию и, водрузив на нос перевязанные тесемкой очки, долго кол-

довал над какими-то одному ему ведомыми петлями, крючками, штырями и капканами. Потом запаривал хвою с травами и опускал в настой свое немудреное снаряжение. Жук подремывал у порога на коврике, делая вид, что его эти приготовления совершенно не касаются. Но Матвейч-то знал, какие страсти кипят под лохматой и черной, как смоль, шкурой. Пес то прикидывался спящим, то равнодушно позевывал, издавая такие забавные рулады, что Матвейч в душе угорал со смеху. Но иногда хладнокровие ему изменяло, и Жук незаметно подползал к ногам хозяина, садился «на хвост» и тихонько делал «Гав», давая понять, что к охоте он готов хоть сейчас.

Да, кто бы знал, как истово Жук любил эти нечестные, с точки зрения собаки, вылазки в зимнюю тайгу! Там простор и пьянящая свобода. Пока хозяин проковыляет с километр по лесной тропе, пес уже прочешет всю округу вдоль и поперек, вынюхает все следы, загонит на деревья всех белок, переполошит всех птиц. Но наивысшим наслаждением для лайки была возможность задрать ногу на дерево, да не любое, а то, на котором уже оставил свою отметку лесной зверь. В общем, сплошная романтика. А дома, в деревне Жук маялся от скуки и безделья. Ну, пробежишься по улице из конца в конец по обгаженной коровьим и конским пометом дороге – фу! Ну, загонишь на черемуху рыжего соседского кота, ну, поднимешь переполох у деревенских собак и кур, ну, помочишься, наконец, у столба, от которого мочой несет за версту – вот и все собачьи радости. Нет, уж лучше в тайгу!

Последний поход в лес оказался неудачным – это Жук чувствовал по настроению хозяина. Нет, внешне все было как всегда. По пути сняли с капканов колонка и норку. Потом Жук первым добежал до конечной точки маршрута, где их почти всегда ожидал трофей – подвешенная к тонкой белой березе тушка кабарги. Как она там оказывалась, понять собачьим умом было невозможно, хотя пес много раз наблюдал процедуру постановки петель. Матвейч обычно подтягивал веревкой вершину стройной гибкой березы к ближайшему дереву, каким-то хитроумным способом закреплял ее и на получившееся «коромысло» навешивал несколько удавок. Когда петля затягивалась, от рывка животного срабатывало устройство, освобождающее веревку, и лесная коза взлетала вверх. Делалось это для того, чтобы кабарга не стала добычей лесных хищников. А от ворон свой трофей охотник защищал еще проще: навешал на веревку белых лоскутов. В рюкзак складывал самое ценное: вырубленные топориком филейные части тушки; все остальное – голову, ноги и утробу отдавал на растерзание «лесным людям» да раскладывал по капканам. Дома дичь оттаивал, разделывал и прятал в кладовую.

Пока Матвейч добирался до ловчего места, Жук уже обследовал всю округу. Снег вокруг знакомой березы был весь истоптан чьими-то огромными лапами. Пес ни разу не видел этого зверя, но по запаху чувствовал его силу и исходящую от него угрозу. Шерсть на загривке Жука как-то сама собой встала дыбом. Следы, уходящие вниз по склону в сторону ключа, привели его к свежей, еще не утратившей запаха лежке. Судя

по обрывкам козлиной шерсти, здесь хищник явно трапезничал. Однако надо было возвращаться. Позвавший его условным посвистом хозяин уже осматривал «место происшествия». Вид у него был хмурый и озабоченный. И чтобы не раздражать охотника, Жук отошел в сторонку, лег на снег и стал наблюдать.

Матвейч, потянув за веревку, привел березу в «боевое» положение, тщательно осмотрел оставшиеся на стволе петли, заменил оборванные и опять настроил свою щеколду-вертушку. Еще какое-то время походил вокруг, он зачем-то обследовал стволы ближайших деревьев, несколько раз приседал над четко впечатанными в снег следами и пятерней измерял их размер. Матвейч понял сразу: в его промысел вторгся тигр. Это было не только неприятно, но и нелогично. Опытный таежник знал, что тигр по природе своей охотник и питается только тем, что добывает сам. И если уж он посягнул на легкую добычу, значит он либо ранен, либо очень стар. И то и другое одинаково плохо. Такой зверь может быть опасным и для человека, если не найдет других источников пропитания.

Дома Матвейч сделал двухнедельную передышку в надежде на то, что тигр в поисках пищи уйдет в другие урочища. Но охотничий сезон уже заканчивался и надо было собрать капканы. На сей раз, охотник кинул на плечо старую одностволку 12 калибра, бросил в карман пяток патронов, заряженных жаканами: как говорится, береженого бог бережет. Жук, радостно размахивая хвостом, бежал впереди. Матвейч откровенно любовался своим четвероногим другом и был благодарен судьбе за такой роскошный подарок. Это было летом сорок пятого. Военный эшелон шел на восток, в Манчжурию, а Матвейч уже отвоевался. После тяжелого ранения в грудь его «списали» в чистую и отправили домой. Ехал он не один, а с фронтовой подружкой санитаркой Антониной.

Это она его вернула, можно сказать, с того света в полевом госпитале под Белостоком. Три недели почти не отходила от харкающего кровью раненого. Потом рассказывала: «Сразу приглянулся, думала, выживет – будет мой». Выжил. В благодарность взял с собой. А по дороге на станции в Новосибирске выскочил из вагона раздобыть кипятку. Когда бежал по перрону, вдруг услышал из открытого люка щенячий визг. Заглянул: точно, на небольшом выступе над журчащим потоком сидит мокрый и дрожащий песик. В душе солдата что-то дрогнуло. Он поставил котелок и полез в ливневый колодец. Дальше они ехали уже втроем. И вот из этого беспомощного комочка, из этой лохматой «рукавички» вырос огромный пес с могучим торсом и мощной лоснящейся шерстью.

Тот роковой охотничий день Матвейч помнил до мельчайших подробностей. А как вспоминал, – вздрагивал. Тогда он с собакой почти без перекуров добрался до знакомой развилки и двинулся вдоль серебряного ключа. Но по мере того, как спутники углублялись в распадок, Жука охватывало все большее беспокойство. Он то метался из стороны в сторону, обнюхивая деревья и кусты, то забегал вперед, замирал в стойке, вслушиваясь в шорохи зимнего леса, а то и жался к ногам хозяина, мешая идти. Шерсть у него стояла ды-

бом, а злобное рычание наводило на мысль, что где-то впереди их ожидает опасность. А когда Жук начал хватать зубами полу брезентового плаща и буквально тащить Матвейча назад, тот, наконец, осознал, что где-то рядом притаился хозяин тайги. Охотник слышал, что тигр всегда преследует свою жертву сзади, крадучись за ней по пятам. Но тут по всем признакам хищник поджидал «гостей» впереди. Что делать? Поворачивать назад? От кошки не убежишь. Да и врага фронтовик привык встречать лицом к лицу. Значит, вперед!

Матвейч перевесил рюкзак на одно плечо, перевернул затвор и двинулся дальше, держа ружье наперевес и напряженно озираясь по сторонам. Так осторожно он продвинулся еще метров сто. Взгляд нащупал огромную полусгнившую валежину, из-за которой торчало полголовы тигра и из стороны в сторону нервно метался конец хвоста. «Хоть бы Жук не сиганул под дуло» – успел подумать охотник и метнул взгляд назад. Жука, как ветром, сдуло. Тигр, видимо, поняв, что обнаружен, перемахнул через бревно и, оскалась, спокойно и уверенно двинулся на человека. «Только в голову, только в голову», – как заклинание твердил Матвейч. Он знал, что если не убьет тигра с первого выстрела, второго просто не будет, и был уверен в себе: ведь он снайпер. Тигр приближался, а охотник держал его на мушке, опершись на разлапистую лиственницу. Подпустив зверя метров на пятьдесят, Матвейч хладнокровно нажал курок. Раздался грохот, но выстрела не было. Это так оглушительно клацнул затвор. «Осечка! – с ужасом подумал охотник, – порох отсырел». В следующее мгновение ружье упало на снег, а руки сами потянулись к толстому суку лиственницы. Как Матвейч очутился на первом ярусе веток, он и сам не смог бы объяснить. Но не успел он перевести дух, как почувствовал, что тигр с огромной силой стаскивает его с дерева. Зверь когтями дотянулся-таки до зависшей полы плаща. Вид его был страшен: левый глаз отсутствовал, на его месте зияла уже затянувшаяся рваная рана. «Наверно, с буряком поцапался» – мелькнула мысль. Левая передняя лапа оказалась еще более изуродованной, будто ее кто-то пытался перегрызть. Отчаянно сопротивляясь, Матвейч, лежа на ветвях, выхватил охотничий нож и, извернувшись, полоснул им по брезенту. Тигр еще не успел отпрянуть, как что-то черное и лохматое метнулось на его полосатый загривок. Матвейч не сразу-то и сообразил, что это был Жук. Тигр рыкнул и опрокинулся на спину, пытаясь сбросить с себя невидимого врага. Что произошло дальше, Матвейч не видел, он уже продирался через лабиринт лиственных ветвей повыше. Слышал только рычание сцепившихся в смертельной схватке животных. Потом донеслось собачье хрипение, победный рев тигра и все стихло.

Устроившись удобнее на ветках, Матвейч осмотрелся. Тигр стоял над поверженной собакой, трогал лапой ее голову, словно проверяя, жива ли она. Затем подошел к дереву, в кроне которого скрывался человек, и, развернувшись задом к стволу, метнул мощную струю. Еще раз угрожающе рявкнув, он двинулся к своей добыче. И тут эхом со стороны ключа раздался ответный рев. К месту разыгравшейся драмы приближался

огромный бурый медведь. «Шатун» – решил для себя Матвейч. Такого поворота событий он не ожидал. Теперь его положение стало еще более незавидным. Если от тигра еще можно было спастись на дереве, то от медведя не укроешься и там. Шатун стремительно приближался к лежащей на снегу собаке, своей решительностью и угрожающим видом пытаясь отпугнуть тигра. Но тот, оскалась и щелкая хвостом по бокам, вовсе не собирался делиться добычей. Через две-три секунды они уже составляли одно целое: рычащий бурополосатый клубок шкур, лап, когтей и зубов. Матвейч подкоркой чувствовал: надо что-то делать, пока хозяева тайги выясняют отношения – либо как-то доставать ружье, либо «драпать» без задних ног. Выбор небогатый, да и то без всяких гарантий не оказаться четвертым участником кровавого спектакля. «Не дрейфь, Матвейч, им не до тебя!» – подбодрил себя охотник и, быстро сбросив с себя плащ и фуфайку, скользнул вниз. Кажется, не прошло и секунды, как ружье повисло на ручке, а его хозяин, по-армейски сделав «склепку», взлетел на спасительные ветви.

Теперь можно было отдышаться и оглядеться. Схватка зверей, похоже, шла к своему трагическому финалу. Противники, обнявшись, еще рычали. Медведь уже был наверху и, видимо, добравшись до горла челюстями, душил тигра. Тигр, все еще сопротивляясь, драл задними лапами бок медведя. Но постепенно эти рывки перешли в конвульсивные и через какое-то время ноги тигра вытянулись и замерли. Медведь тоже лежал, не шевелясь. Матвейч перезарядил ружье и терпеливо ждал, когда победитель схватки поднимет скрытую туловищем голову и можно будет сделать верный выстрел. Шло время, а участники битвы не подавали признаков жизни. Из-под туш, сочно окрашивая снег, растекалась лужа крови. Охотник подождал еще, пока не озяб. Потом оделся и осторожно, не спуская глаз с неподвижных зверей, спустился с дерева. Ноги затекли, руки предательски дрожали. Обойдя противников на безопасном расстоянии, он приблизился и ткнул дулом ружья в медвежью морду, готовый сразу выстрелить в лоб, если медведь откроет глаза. Но тот даже не дрогнул. Челюсти так и остались на горле тигра. Морда соперника тоже застыла в оскале. Из-под туши медведя выглядывало кровавое месиво кишок. Только теперь Матвейч до конца осознал, из какой смертельной передрыжки выкарабкался. А вот друга своего потерял. Он подошел к лежащему неподалеку Жуку, присел на корточки и положил руку на окровавленную грудь собаки. Жук был еще теплым, остекленевшие глаза открыты, голова неестественно вывернута, а на шее еще кровоточила рваная рана. Защемило сердце, черное пятно собачьего туловища расплылось в глазах. Матвейч понял, что плачет. Постояв несколько минут с обнаженной головой над трупом собаки, как это часто бывало на фронте на похоронах боевых друзей, он выбрал подходящее место и перенес труп в небольшой овражек. Там разгреб снег, нарезал еловых веток, накрыл ими собаку и забросал снегом. Весной он вернется сюда и похоронит друга, как подобает. А сейчас ему хотелось быстрее попасть домой. Стынувшая на снегу гора мяса его не радовала. Матвейч знал, что неразделанные туши крупных зверей вздуваются, не успев промерзнуть. «Да, пропади

они пропадом!» – вслух сказал охотник и, подхватив ружье и рюкзак, двинулся домой. Вернувшись, он все-таки сообщил егерям о происшествии и написал заявление в милицию. Те вместе с участковым сходили на лыжах в указанное место и вернулись только со шкурой тигра.

Следующей весной Матвейч прибыл на роковое место аккурат 9 мая. О былой трагедии лишь напоминала кучка обглоданных костей. Все было съедено и растащено по лесу. Но еловый холмик оказался нетронутым. Охотник не стал его ворошить, собрал по лесу несколько крупных сучьев и обложил ими могилу друга. Потом засыпал захоронение землей, пользуясь саперной лопатой. Нашел неподалеку овальный валун и перекатил его на вершину холмика. Постояв несколько минут над могилой друга, он дал себе зарок каждый год встречать День Победы именно здесь.

...Добравшись, наконец, до места, Матвейч нашел памятный камень и первым делом положил на него собранный по дороге букетик цветов. Огляделся. За пять лет лесная обстановка несколько изменилась. Подрост заметно подтянулся, а белоствольная красавица, которую старик приспособил для охоты, почему-то усохла. Зато рядом из-под ковра опавших листьев пробилась на свет божий два изумрудных ростка будущих кедров. Могила Жука, увенчанная камнем, полностью сравнялась с землей. Матвейч расстелил рядом плащ-палатку, выложил на нее из рюкзака «фронтальной паек» – четвертинку буханки хлеба, кусок сала и цибулю лука – все это нарезал. Потом достал алюминиевую кружку, налил из солдатской фляжки водки и молча выпил. Закусив, достал кiset, скрутил сигарку и с наслаждением закурил. Он уже знал, что это его последний визит к другу. Старость потихоньку одолевала, переходы давались все труднее, пора было, как говорится, думать о Боге. Но перед Жуком, в критический момент бросившимся спасать жизнь хозяина, его совесть чиста. Уж столько лет ходил он к его могиле, «разговаривал» с ним, вспоминал. А ведь Жука Матвейч тоже спасал. Однажды нашел он его истекающим кровью в зарослях дубняка. Сразу понял: нарвался на секача. Тот распорол ему клыком весь бок, переломав ребра. Но пес дышал и обреченно смотрел ему в глаза. Тогда Матвейч, быстро сбросив с себя одежду, снял натертую рубаху, разорвал ее и перетянул рану. Потом оделся, соорудил из брезентового плаща нечто вроде «волокуши» и, положив на нее собаку, рванул домой. Выживал долго и трудно, но выходил. Получается, Жук отблагодарил своего хозяина за спасение.

...Из задумчивости Матвейча вывел голос кукушки. Загадав на всякий случай, сколько лет ему еще осталось жить, и, досчитав до восьми, он встал, порылся в вещмешке, достал оттуда небольшую дощечку и прикрутил ее проволокой к стволу тонкой березки, росшей рядом с могильным камнем. Еще раз перечитал текст: «Здесь покоится друг, спасший человека» и остался доволен. Потом сложил на камень остатки еды, постоял в скорбном молчании несколько минут и, тяжело вздохнув, подхватил рюкзак и неспешно зашагал в сторону дома.

ШЕКСПИРИАДА

Быль

Было бы верхом нелепости отказывать животным в умственных способностях; они ощущают, обладают идеями, производят суждения и сравнения, выбирают и обдумывают.

Поль-Анри Гольбах

Евгений ВЕСНИК

Действующие лица и мордочки:

Отец, мать, дочь;

Попугай говорящий, котёнок, немецкая овчарка
восьми с половиной лет.

Место действия: Подмоскowie.

Обстановка: скромный новый кирпичный двух-
этажный дом, огород, сад, забор.

ЗАВЯЗКА

Собака, прожившая с хозяевами всю свою восьмилетнюю жизнь, долго привыкала к новому дому: изучала каждый уголок, всю территорию вокруг него. Всё было непривычным: отсутствовали соседи по коммунальной квартире, привычные запахи из кухни и постоянные звуки отовсюду, особенно с шумной улицы за окнами их маленькой комнаты. Здесь же, в новом доме, не верилось, что и первый, и второй этаж, и весь двор – всё это твоё, что не с кем и незачем воевать за свою территорию... Вот только дружка нет... Скучно...

Не прошло и десяти дней, как Машенька, дочка хозяев, принесла из школы котёночка и дала собаке обнюхать его. Котёнок лапой ударил овчарку по носу – она очень удивилась смелости живого комочка. Когда его отпустили на пол, он стал ловить хвост собаки, потом забираться на неё, лежащую на своём тюфячке. Она приняла игру и стала легонько подталкивать котёнка лапой – то от себя, то к себе. Но когда комочек, наигравшись, улёгся спать под её животом, собака поняла, что появилось существо, которое нужно защищать и с которым можно дружить.

Отец Маши часто ездил на рыбалку и потому был постоянным посетителем «Птички» – рынка всевозможной живности, удочек, сеток, кормов... Три года тому назад он купил там попугайчика, быстро научившегося говорить «ур-р-ра!», «р-р-раз, да, ти» (что означало «раз, два, три»), «р-ры-ба», «дур-рак», «бака пр-ршла» («собака пришла»), «кр-расивый»... Всё это попугай произносил невпопад, кроме «бака пр-ршла» – когда в комнате появлялась или на улице лаяла собака, своя, а не чужая. Когда же появилась кошечка, попугайчик очень заволновался. Прыгал по клетке и чаще всего кричал «ур-ра!» или «р-раз, да, ти!».

Новосёл-котёнок испуганно смотрел на чудо-птичку. Но это «чудо» больно клюнуло его в лапку, когда

папа поднёс его к клетке. И котёнок больше не приближался к обидчику.

Попугайчик был «алкоголиком»: стоило гостям занять свои места за столом, как он пытался перекусить железные пруты и постоянно кричал: «Дур-р-рак! Я хор-р-роший» или «Ур-р-ра!» и «Бака пр-ршла». Хозяева выпускали птичку, потому что главным «аттракционом» застолий всегда был попугайчик, он, «попка-кр-р-расавец». Он произносил своё имя почему-то только тогда, когда его сажали на голову собаке (это было любимое место птички): «Попка-кр-р-расавец!». Но об этом позже.

Его выпускали из клетки, он садился на стол – всегда в одном и том же месте, по правую руку от хозяина, и смирно наблюдал за действиями гостей... Звучал тост, люди чокались, выпивали и ставили на место свои рюмки. Попугайчик безошибочно находил опустошённую, вскакивал на её краешек и опрокидывал. Оставшиеся капельки быстро выпивал. И ждал очередного тоста и очередную опустошённую рюмку. Был он всеяден – ему было всё равно, что пить: водку, вино, пиво, коньяк. Удивительно, он ни разу не опрокинул фужер с водой! После третьего-четвёртого тоста «пьяница» слабел, его буквально качало из стороны в сторону... Вскоре он успокаивался в каком-нибудь блюде с салатом и засыпал, как настоящий пьяница в луже! Его осторожно, предвзвешенно обтерев салфеткой, укладывали в клетку. Застолье продолжалось.

Собаку приучили не двигаться, когда ей насыпали на голову вкусненькие зёрна для попугая. Сажали птичку на голову, и та с удовольствием склёвывала лакомство. Через некоторое время стоило открыть дверцу клетки, насыпать зёрнышек на голову терпеливой собаки и сказать: «Попка! Ах, как вкусно! Лети сюда!» – как попугайчик летел к собаке и без боязни сам устраивался на голове четвероногого друга. Наклевавшись, он не спешил улетать и с удовольствием сидел на голове, даже когда собака двигалась по комнате. Позже к этой компании присоединилась кошечка, которую пристраивали на спину собаки...

Совершенно точно можно утверждать: собака понимала, что катает «пассажира», потому что передвигалась чрезвычайно осторожно, не двигая головой. Эта пирамида напоминала циркового «унтермана», держащего нескольких гимнастов на своей могучей шее, стараясь не шелохнуться...

Редко, но чрезвычайно художественно происходи-

Маэстро

ли в доме «концерты» самодеятельности. Артистом в них был попугай, а зрителем – собака. Каким-то особым свистом, щёлканьем попугай обращал на себя внимание проходившей мимо собаки, распущая пёрышки, поднимал вверх зубчатый хохолок и выделял умопомрачительные па. Собака, высунув язык и поддёргивая хвостом, внимательно наблюдала за «артистом», и когда тот вдруг на мгновение останавливал своё представление, она гавкала раз-другой, поощряла, значит... И «спектакль» продолжался до тех пор, пока кто-нибудь не отвлекал единственного «зрителя» от единственного «артиста».

КУЛЬМИНАЦИЯ

Восторги и идиллия, царившие в семье, были нарушены внезапно: после тяжелейшего инфаркта умер в возрасте тридцати семи лет папа. Жена часто повторяла: «Я говорила, что этот проклятый дом съест всё его здоровье! Я говорила, говорила!..» Странно стала вести себя собака – бродила целыми днями по двору, постоянно останавливалась у калитки. Когда мимо проезжала автомашина, мотоцикл или с шумом пробегала детвора, она выскакивала на улицу, нюхала воздух и, сникшая, возвращалась на свой коврик. Кошечка почти не отходила от собаки, спала вместе с ней на тюфячке. Попугая слышали теперь гораздо реже, да и говорил он всё тише и тише. Зато у него увеличился запас слов: как только мама появлялась дома после работы или дочка приходила из школы, он упорно повторял: «Я говор-рила. Я говор-рила!»

РАЗВЯЗКА

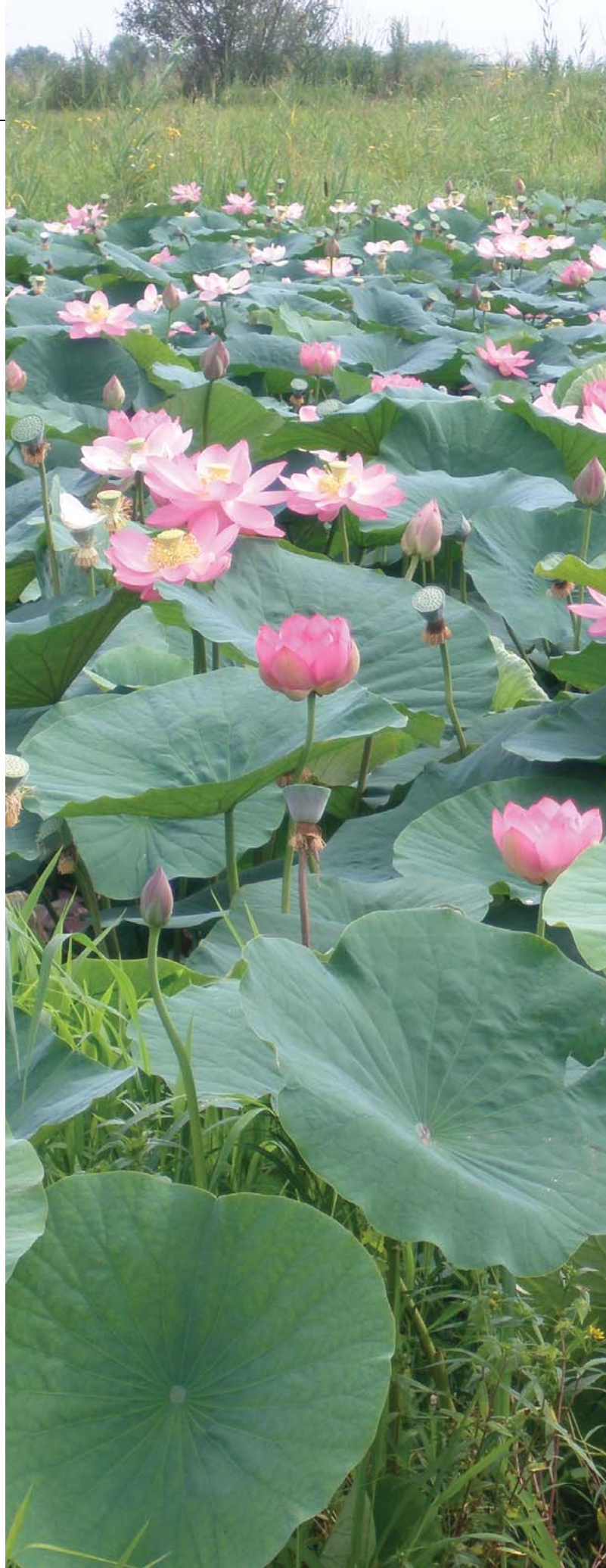
Через полгода после смерти хозяина на своём коврике скончалась собака. Ветеринар сказал, что она не мучалась, так как умерла во сне от инфаркта... Через три месяца заболела кошечка, отказывалась от еды, чахла, чахла и умерла... на собачьем коврике. Через две недели после смерти кошечки попугайчик, вылетев из клетки, с лёту ударился головкой и грудкой о стенку рядом с ковриком собаки, упал на него и умер...

Мать не находила себе места. Тревога передалась и дочке. Дом был продан. Мать с дочерью уехали к родственникам в Зауралье.

А новые хозяева дома через два месяца после его покупки во время очередной гулянки напились так, что по их неосторожности дом загорелся. На втором этаже его сгорели старая бабушка и трёхлетняя девочка.

На этом месте никто не решился строить новый дом. Власти разбили здесь садик. В нём теперь гуляют дети с бабушками, с собачками и кошечками.

Жизнь продолжается...

Лотос цветёт! Фото Ирины БАНКРАШКОВОЙ, г. Хабаровск

УТРОМ

Алексей ГРИГОРЬЕВ,
г. Москва

Алексей родился в посёлке Большая Мурта Красноярского края. Печатался в «Литературной газете», журналах «День и ночь», «Дети Ра», «Волга», «Белый ворон», «Арт ШУМ», публиковался на сетевых литпорталах «Вечерний гондольер», «Сетевая словесность», «45 параллель», «Новая реальность», а также в нескольких поэтических сборниках. Участник литературного товарищества «Сибирский тракт». Автор книги стихов «Рыбы».

УТРОМ

В подъезде новые римейки:
«Наташа жжот» и «Коля – жид»,
А у подъезда на скамейке
Окоченевший бомж лежит.

На четверть пиво не допито –
Не бомж, а барин на понтах,
И тут же рядом вьётся свита –
Два санитаря, два мента.

Приспущен флаг у горсовета
Погода в целом не ахти,
И персональная карета
Движком противно тарактит.

А я иду к метро не быстро,
Несу в кармане пирожок,
И снег идёт за мной без смысла –
Обычный мартовский снежок.

БЕЗ МОРАЛИ

Сосед Иваныч резал кабана.
В саду среди травы синели сливы,
непуганый рассвет бродил
в крапиве,
белела над поленницей луна.

В стаканах на веранде самогон
мутнел с утра (к событию
положен).
Иваныч в длинном фартуке
из кожи
железную лохань понёс в загон...

День чуточку запнулся, но пошёл
и к вечеру холодным стал
и древним.
Жгли листья. По окраине деревни
гнал стадо низкорослый пастушок.

А тот, кому сегодня не свезло,
лежал в некрупном леднике
за домом,
зарезанный рутинно –
по-простому,
любовно, уважительно, незло.

ИЮНЬ

По нитке раскалённого
вольфрама
Ночь движется, и мягко,

и упрямо,
Сбегают с неба поздние огни.
Разбуженный прошедшею
грозою,

Как чудище эпохи мезозоя,
Рассвет вырастает в розовый
гранит.

Наутро после ливневой
бомбёжки
Торчат в садах вороныи
головёшки,

На камне сушит спину
жук малой.
Июнь снимает майские обноски,
Под солнцем свежепилёные
доски

Мироточат сосновою смолой.
Цветущему шиповному стаккато
Шмель вторит басовито

и мохнато,
Мальчишка водит прутиком
в золе,
Июнь, непоправим и неприкаян,
Идёт, не зная сверстников,
как Каин,

Вдоль парковых,
сырых ещё аллей.

В траве сегодня весело и тесно,
Там съёмки репетиции оркестра,
Там ладит свою скрипочку
сверчок,

И держится душа
на честном слове,
И времени полно для нелюбови,
Но тут июнь, конечно,
ни при чём.

ЖИЛЕЦ

Детство. Сумерки. На огороде
Моей лапу заботливый кот.
Бабка слушает сумрак:

«Всё ходит –
Ходит-бродит, заснуть не даёт.»

Тоже слушаю: тихо всё вроде,
Страшно: дом на окраине, лес.
Говорю ей: «Бабуля, кто ходит?»
Отвечает: «За стенкой жилец.»

Это всё-таки глупость, ей богу –
Через тридцать с копейками лет
Просыпаться от страха:
под боком
Ходит-бродит ужасный сосед.

И сидеть до утра на кровати,
Слушать: прям-таки ходит –
как встарь,
И шептать ему: «глупое, хватит,
Ну давай, перестань,
перестань...»

БЕЗ ВИДИМЫХ ПРИЧИН

И был рассвет, и ситцевый июнь
За окнами, как простынь
на просушке,
Был жаворонок в небе,
и лягушки
Имели предсказуемый iq.

Приставленный к стене
велосипед
Гордился ослепительнейшим
хромом,
Из кружки пахло колою
и ромом –
Ответом на возможные семь бед.

Бродили по забору два кота,
В кассете перематывалась
плёнка,
Ты, кажется, вязала для ребёнка,
Которого не будет никогда.

Всё очень походило на зачин
Истории и простенькой,
и грустной,
В саду моём цветущая капуста
Тревожила без видимых причин.

ГОЛОСА ВЕЩЕЙ

Андрей КОЗЫРЕВ,
г. Омск

ОЖИДАНИЕ ВЕСНЫ

Весна приходит
не по расписанью,
А позже, словно школьник
на урок.
Лежит сегодня снег
на крышах зданий
И на асфальте городских дорог.
Но всё-таки, следя
за снегопадом,
Недолго мне осталось тосковать:
Весна, как воин, спряталась
в засаде,
Чтоб зиму на заре атаковать.

И верю я: наступит время скоро,
Когда, устав от войн, тревог, атак,
Зима весне пошлёт
парламентёров
И выбросит метели белый флаг.

АМЕРИКА ЛЮБВИ

Тебя я, как Америку, открыл.
Я долго плыл на корабле
сквозь бури,
Глядел вперед, смиряя
в сердце пыл,
И вот– увидел землю
среди лазури!

Горой над морем
возвышалась Ревность,
Текла Разлука горькою рекой,
И выжженная солнцем
Повседневность
Пустынею ложилась под ногой.

Я знаю географию Любви:
На север от неё – река Разлуки,
На западе –
страна житейской Скуки,
На юге –
царство Спеси-на-Крови.

В тебе растёт и ширится закат,
Лежат поля, работают крестьяне,
Бегут гонцы, цветет
весенний сад,
Воюют царства и идут восстанья.

Тысячелетья на земле твоей
Кипела жизнь, не находя
предела,
Зачем же я, чтоб после мир
возделать,
Топчу Любовь копытами коней?

Америка любви светла, огромна,
в ней много солнца,
счастья и огня.
И на конкисте этой,
непреклонный,
я покорию тебя... А ты – меня!

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ПТИЦ

Я что-то в жизни не учел,
а может быть, не понял:
взлетал я к небу, как орел...
А счастье – проворонил.

* * *

Мне счастьем стала
страшная беда,
вина, которой нету тяжелее:
чем больше я сгораю от стыда,
тем людям, что вокруг меня,
теплее...

ГОЛОСА ВЕЩЕЙ

Вчера я видел сон,
возможно, вещей.
Я задремал за письменным
столом,
и мне приснилось,
что простые вещи
беседуют на языке своём.

Расставшись на блестящем
циферблате,
две стрелки на часах
тоскуют врозь
и шепчут: «Мы ни в чём
не виноваты,
но разошлись надолго
и всерьёз».

А зеркало, ослепшее от пыли,
направив в пустоту
незрячий взгляд,
вздыхает тихо: «Обо мне забыли!
Куда мои хозяева глядят?»

А карандаш – моей руки опора,
надёжная, как посох, – говорит:
«Устал я от трудов твоих
и споров!
Скажи, когда мне отдых
предстоит?»

Магнитофон кассетой подавился
и что-то неразборчиво мычит...
Какой мне странный сон
вчера приснился!
Кто мне его сегодня объяснит?

Казалось, вещи смотрят
с укоризной,
тяжёлую испытывая грусть...
Пусть всё смешалось на столе,
как в жизни –
исправить беспорядок я ленюсь!

ЗАДВОРКИ ДЕТСТВА

Задворки детства.
Знаешь, это просто –
вернуться в детство бабочкой,
цветком...

Там нет ни боли,
ни боязни роста.
И Жизнь идёт по лужам босиком.

Захламлен двор.
Под небом белым-белым
Развешено бельё. Котёнок спит.
Арбузной коркой детство
захрустело,
арбузной коркой радуга стоит.

А из окна отец всё кличет сына...
И ты бежишь к нему. И дни тихи...
А белый лист бумаги выгнул
спину
и знает, что вот-вот пойдут стихи.

«ВСЕХ СКОРБЯЩИХ РАДОСТЬ» (С ГРОШИКАМИ)

О скорбной прозе Тамары Жариковой

Юрий КАБАНКОВ,
г. Владивосток

*Я был нем и безгласен и молчал даже о добром,
и скорбь моя подвиглась.
Псалом 38.3.*

«Усмирение скорби» – так назвал бы я эту книгу, будь на то моя воля. Хотя, честно говоря, эта словесная формула уже «использована» мною в послесловии к другой книге («Письма с Востока» Александра Романенко), автор которой не менее скорбно и пронзительно «повествует» в своих стихах и прозе всё о тех же неизбывных во времени «предметах и явлениях»: человеческих страданиях земных – душевных и плотских, в преодолении которых человеком в конце концов обретаются и дар душевного равновесия, и неизбывная в вечности светлая радость духовная. Дело, конечно, не в названии, однако суть сей пронзительной книги «*На краю тишины*» именно в этом: усмирении скорби, – усмирении ежедневном и ежечасном – как несение креста.

У священника Александра Ельчанинова (из первой волны эмиграции) есть знаменательная запись: «*В тексте "... возьми крест свой и следуй за Мною" – по латыни "et tolle crucem suam cotidie et sequatur me" есть слово, упущенное в русском переводе – "cotidie" (ежедневно)*».

В связи с вышесказанным вспоминается немудрёная притча о том, как некий скорбящий человек воззвал к Богу: «Господи! Невмоготу нести мне крест мой!» На что Господь предоставил ему выбор из множества крестов: бери любой. Долго человек перебирал и в конце концов остановился на самом маленьком и незатейливом. «Ну что ж, бери, – сказал Господь, – это и есть твой крест, который тебе нести невмоготу!»

Преподобный Серафим Саровский в утешение скорбящих не уставал повторять, что скорбями истребляются грехи наши; «нет скорби – нет спасения», – наставлял он.

Книга, которую вы держите в руках, есть сокровенный опыт земного страдания, который – через смирение души и сердца – ведёт к духовному спасению. Для читателя это своеобразный катарсис – очищение души огнём и слезами со-переживания.

«*Велика очищающая сила страданий и смысл их, – пишет о. Александр Ельчанинов. – Духовный наш рост зависит главным образом от того, как мы переносим страдания. Только не надо их искать и выдумывать*».

Тяжёл сосуд ороговевшей плоти; и ежели читатель не имеет стремления высвободить душу свою из сего земноводного панциря – это не его книга. «*Наши трудности и горести, если мы несём их добровольно (т.е. соглашаясь на них), питают и укрепляют душу, они непосредственно превращаются в богатства духовные*», – наставляет нас о. Александр, памятуя слова апостола Павла о том, что «*кратковременное (земное) страдание производит в безмерном преизбытке славу вечную... Ибо то, что види-*

мо, – преходяще, то же, что невидимо, – вечно» (2 Кор. 4: 17-18).

...Как (на первый взгляд) невероятно переплетаются пути и судьбы человеческие! Книгу о. Александра, изданную в тридцатых годах в Париже, прислала мне из Калифорнии русская американка, родившаяся в Харбине, Галина Келли. Это она – эпистолярно – присутствует «*На краю тишины*» Тамары Жариковой, из рук которой я и принял благодарно упомянутые «*Записи свящ. А. Ельчанинова*».

В тенётах времени всё взаимосвязано, только – по немоги нашей духовной – мы не желаем (или не в силах) ощутить эти невидимые связи.

Ровно пять лет назад в журнале «Дальний Восток» были одновременно опубликованы эссе Тамары Жариковой «*В проёме*» и мой – отчасти публицистический – «*трактат*» «*Непрощённое воскресенье*». Так состоялось наше заочное знакомство; и, несмотря на разницу «*стилей*» и подходов к «*теме*», проблема, как некая космическая линза, прожигаящая наш разум, была общей.

Я тогда писал: «*Нынешнее наше социальное бытование чревато взрывом тёмной энергии, ибо задача выживания выдвинулась теперь во всей своей неприглядности на первый план, затмевая наш внутренний взор и обостряя до болевого шока животное ощущение жизни. Хватательный рефлекс, инстинкт самосохранения, борьба за выживание любой ценой – вот что движет нами ныне, низводя не то что Образ Божий в человеке, но и образ душевно-человеческий – до уровня приматов, если не человекоящеров*». И – далее: «*Именно пренебрежение вечно-стью приводит к приношению человеческих жертв: пожарию (пусть и опосредованному) себе подобных и потере облика человеческого "пожравшими сих"*».

Тамара Жарикова (используя невразумительный для нашего «менталитета» восточный календарь, вошедший в моду в последние годы), писала тогда:

«*1996-й год – год Крысы. Как известно, различного рода научные опыты большей частью ставятся на них – крысах. Вот я и решила подвести итоги государственного эксперимента, проводимого в постсоциалистический период на одной из них – на себе*».

Однако, если для нас этот «эксперимент» властей предрержащих – как бы «родной» и приглушённый заско-рузлой привычкой, то, например, для Галины Келли (и, вероятно, для многих русскоязычных читателей благополучной Америки) публикация «*Проёма*» в нью-йоркской газете «Новое русское слово» была неким электрическим шоком. (Хотя, кстати напомнить, и нас циничная наша власть пыталась лечить «шоковой терапией», используя разработки и подсказки заокеанских экспертов и теоретиков; но, как выясняется в очередной раз, за морем телушка – полушка, да перевоз – рупь!)

«Шоковость» же автобиографической прозы Тамары Жариковой заключена не только в «содержании» повествования: то, **как** подаётся это содержание, вызывает понятное остолбенение у неготового к сопереживанию читателя. Здесь мы имеем в виду отсутствие в прозе Жариковой столь привычного «художественного вымысла», некоей спасительной «эстетической застеклённости», которая позволяет индифферентному сердцу читателя не биться чаще обычного. Так в серпентарии мы можем спокойно наблюдать устрашающие броски кобры, зная, что толстое стекло оградит нас от опасности. В нашем случае отсутствие «эстетической застеклённости» заставляет читателя съёживаться, как бы отстраняясь и защищаясь от «чужой», но столь живой боли. Этот – почти не художественный – литературный «метод» можно назвать не иначе, как «по-русски рубаху рванув на груди».

Лев Шестов, вероятно, имея в виду такой необычный «метод», при всей своей «ветхозаветной экзистенциальности», понимал, что *«написать правдиво историю своей жизни или искреннюю исповедь, т.е. рассказать о себе не то, чего ждут и что нужно обществу, а то, что действительно с тобой было, значит добровольно выставить себя – при жизни или после смерти, это почти всё равно – к позорному столбу. Общество не прощает отступления от своих законов, и суд его неумолим и беспощаден»*. Ибо, добавим мы, общество (т.е. в данном случае читающая публика) в массе своей ожидает от книги прежде всего душевного развлечения (пусть даже и интеллектуально-художественного), а не помощи в собирании собственной души и – как следствие – стяжании благодатной энергии Святого Духа.

Духовное разделение проходит по живым и болящим сердцам нашим; а крайние полюсы этого разделения, не имеющие ни во времени, ни в вечности точек соприкосновения – это стремление к спасению и обретение спасения во Христе, и – центробежное рвение к биохимическому, рецепторному наслаждению: «Бери от жизни всё!» Не случайно о. Александр Ельчанинов говорит, что *«соприкосновение с миром и погружение в него даёт боль последователям Христа, а безболезненными себя чувствуют только приспешники мира сего. Это – вроде безошибочной химической реакции»*.

И – как лакмусовая бумажка этого нерукотворённого разделения – наше отношение к смерти: есть ли жизнь за гробом? Вопрос для нас, плотских, живущих – во времени почти неразрешимый, ибо мы не можем *навсегда* знать: что **там**? Ибо это вопрос не умственного знания, а – веры. Однако (наставляет нас в очередной раз о. Александр Ельчанинов) *«смерть близких – опытное подтверждение нашей веры в бесконечность. Любовь к ушедшему – утверждение бытия другого мира. Мы вместе с умирающим доходим до границы двух миров – призрачного и реального: смерть доказывает нам реальность того, что мы считаем призрачным, и призрачность того, что считали реальным»*.

Именно потому Тамара Жарикова в ёмком и пронзительно повествовании об умирании родной сестры приводит слова одного из сокровеннейших религиозных мыслителей прошлого (вернее, уже позапрошлого) столетия – епископа Феофана Затворника: *«Что за тайна вьётся над нами? Все мы знаем, что вот-вот смерть, а между тем совсем почти никто о ней не думает. А она придёт внезапно и схватит. И то ещё... Когда даже схватывает смертная болезнь, всё не думается, что конец пришёл. Пусть решат это психологи с учёной стороны;*

с нравственной же нельзя не видеть здесь непонятого самопрельщения...».

Тамара Жарикова, слава Богу, свободна от такого самопрельщения – «благодаря» (как странно звучит!) опалённости земными скорбями. И потому далеко не случаен – уже не просто задушевный, но почти духовный – разговор с умирающей сестрой в конце повествования (как неслучайна обмолвка у Пушкина в стихотворении «Монастырь на Казбеке»: «Туда б, в заоблачную келью, в соседство Бога скрыться мне!»): *«Помнишь, я тебя расспрашивала про женский монастырь в Мукачево? Мне иногда хотелось уйти туда. Иногда...»* – говорит сестра.

«Знала бы она, – мысленно восклицает Тамара, – что в последние годы на службу к Богу ушли известные актрисы – хрупкая Ольга Гобзева и такая везде разная, сильная характером Екатерина Васильева; а половина послушниц и прихожан московских монастырей – кандидаты и доктора наук. Пути Господни неисповедимы. Человек прилепляется к Богу, когда ему очень плохо здесь – на земле. Душа ищет опоры. И находит её – у Неба».

Русская интеллигенция, к которой и по душевному складу, и по роду занятий принадлежит Тамара Жарикова, – пусть и не «совесть нации», пусть и – с другой стороны – всего лишь «часть нации, стремящаяся к самостоятельному мышлению» (как сказано в знаменитом Оксфордском словаре). Одно неоспоримо: русская интеллигенция, без которой (перефразируя Андрея Платонова) «народ неполон», есть часть этого народа, избывшая в себе инстинкт самосохранения, – где тонко, там и рвётся. Именно потому столь ожигающе для неё «прикосновения длани Божией». Ибо, по слову того же о.Александра, *«наша любовь к Богу измеряется нашей готовностью принять посылаемые нам страдания и несчастья и видеть в них руку Божью. Поддержкой нам может быть то, что страдания эти есть также мера любви Божией к нам»*.

...В 1888 г. В часовню на окраине Петербурга ударила молния. Невредимой осталась только икона пресвятой Богородицы (список с чудотворной иконы «Всех скорбящих Радость»). К ней прилепились, впились прямо в образ мелкие медные монетки (грошики), которые жертвовал на церковь бедный люд. Сей чудесный образ особо почитается неимущими и страждущими, которые в его чудесном спасении во время грозы усматривают благоволение Небесной Владычицы к простым людям, умоляющим Пресвятую Богородицу о помощи в скорбях и страданиях:

Царице моя преблагая, надеждо моя, Богородице, приятелице сирых и странных предстательнице, скорбящих радости, обидимых покровительнице! Зриши мою беду, зриши мою скорбь: помози ми яко немощну, окорми мя яко странна. Обиду мою веси, разреши ту, яко волиши: яко не имам инья помощи, разве Тебе, о Богомати, яко да сохраниши мя и покроеши во веки веков. Аминь».

Всех скорбящих радости и обидимых заступнице, и алчущих питательнице, странных утешение, буруеваемых пристанище, больных посещение, немощных покрове и заступнице, жезле старости, Мати Бога Вышняго Ты еси, Пречистая: потщися, молимся, спасися рабом Твоим. (Тропарь, Глас 2).

5 авг./23 июль 2002 г.

Иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость»

(с грошиками)

ДЕРЖАВА

Галина ЯКУНИНА,
г. Владивосток

В. Распутину
Мне говорят, что на краю Россия.
А на краю России на меня
со стен часовни в слабом
свете дня
глядят Матрёны,
Ксении,
Мариин.

Великие праматери мои,
Босые лады русских
богомазов...
На всём пути Державы
сколько Спасов
Взошло на вашей
молодой крови!

Наследуя лишь подвиг
отреченья,
Вы молча, долг над горем
вознеся,

Держались – и держали небеса
Свинцовые
над каждым поколеньем.

А новый век держался за подол,
И вслед за мужем
шла повестка сыну,
И плакала, припав к плечу
осины,

Весна-вдова
над пеплом бывших сёл.

Страна-полюнь...
Тебя зовут рабою
Лишь те, кто сам утратил честь
и стать.

В войне трудней всего
не воевать,
А для победы –
отступать без боя.

И все слова, что дух Руси ослаб
И близится закат её печальный,
Страшат, пока не встретятся
с молчаньем
До немоты усталых
русских баб.

В таком молчанье
кедры вековые
На самой круче, на семи ветрах
Качают луч рассветный на ветвях
И держат,
держат на краю
Россию...

Автор рисунка неизвестен

ВЫШЕ ГОЛОВУ

Анастасия КАРАВАЕВА,
г. Арсеньев, Приморский край

ЕСЛИ Б МОЖНО...

Ты для меня осколок солнышка,
Частица утренней зари.
Мечта пришедшая из прошлого,
Осенним золотом горит.

Не я с тобой берёзкой юною
Шумела рядышком в лесу
И в росных травах ночью
лунною
Не расплела свою косу.

Ты не спасал меня от ярости
Разбушевавшихся стихий.
Не сохранила я до старости
Твои несмелые стихи...

Неудержимо годы катятся,
Сменяя внешний макияж.
Ах, если б можно нам покаяться
И вновь вернуться
в первый класс...

ВETERANAM

Я свободна от прежних забот,
По утрам не зовёт проходная,
Но ночами мне снится завод.
Отчего – и сама я не знаю.

В небе синем, в потоках крутых,
Серебристые кружатся птицы.
Знаю: в каждом рождении их
Есть и нашего сердца частица.

Нам достались тревога и боль,
Да и радостей было немало.
То, что связано с этой судьбой,
Я бы всё повторила сначала.

Выше голову, друг! И поверь,
Нам есть чем с тобою гордиться:
Мы в истории нашей страны –
Золотая её страница.

* * *

Не спешу в судьбе
поставить точку,
Каждый миг у жизни – благодать.
Хрупкие лишь первые листочки,
А деревьев величава стать.
Все имеет в нашей жизни цену.
Научиться б зло распознавать,
На судьбой назначенную сцену
Выйти и достойно отыграть.

* * *

Мой каждый стих
вкипает в сердце,
Лишь там находит свой причал.
Чтоб ты, мой друг,
сумел согреться
Теплом души, когда читал.

ОДИНОЧЕСТВА НАСТОЙ

Олег МАНЗАНОВ,
с. Архиповка, Приморский край

ЛЕТНЕЕ

Ошалело ливень мчит
по кронам,
донимая струями бельчат.
Коровёнки дружным
эскадроном,
в рожицу спасительную мчат.

Отомрут знакомые коровы,
но рогатых новенькая рать
с упоением, рвением здоровым,
эту почву будет удобрять.

Вновь нахлынет буйство
водяное,
облачности тёплая слюда,
но грибное, и берестяное,
канет лето в Лету навсегда.

КАМЧАТСКИЙ ЭТЮД

Прохладным ветром берега
и зелень сопки омывает.
То облака из далека,
то непогода наплывают.

Зелёно-серые валы
на сушу рушатся накатом.
Настои соли и смолы
несут под бронзовым закатом.

Морской простор
наводит грусть,
прогноз морзянка отстучала...
Буксир трёхпалубную «Русь»,
уводит в сумрак от причала.

ПРИЮТ

Приют судьбы-моя долина,
надежда вечная – она.
В саду неброская калина,
неяркий тополь у окна.
Петляют тропы заповедно,
настоян воздух на меду.
Растут кварталы незаметно,
у телевышки на виду.
Листы конвейера листья,
«Уралы» сходят чередой.
И к пересменке нарастая,

кипит поток у проходной.
Одни домой несут усталость,
Другим – усталость впереди.
И мне, по-своему, досталось
путём рабочего пройти.

СТРОКА

Строку вымучивать не надо,
она сама приходит в срок.
Она – в порыве листопада,
в необозримости дорог.
Строка-невеста тем красивее,
чем безыскуснее наряд...
Слова немеют от насилия,
они – от сердца говорят.

ПАРНАС

Сеет дождь над сухими овсами
долгожданную влагу в глуши.
Переполнена жизнь чудесами –
прямо сказку с природы пиши.
Но души роковое томленье
не дано вознести на Парнас,
пока чистый огонь вдохновенья
не сожжёт всё нечистое в нас.

ИДЕАЛИСТ

Жестоких лет идеалист
доволен тем, что солнце светит.
Сухой на древе жизни лист,
сорвусь – никто и не заметит.

Пью одиночества настой,
в тоске не мучаюсь по раю...
Чем ближе телом «на постой»,
душой всё тоньше выгораю.

УЩЕРБНОСТЬ

Знал я ливни, влагу рос,
по утрам и ночкам.
Безотцовщиною рос,
Маминым сыночком

С недостатка не гнусил,
не был всех слабее.
Молча боль переносил
с участью плебея.

Для живущих день-деньской –
суета и бденье.
От ущербности людской
не найти спасенья.

Глупым – алкоголь глушить,
слабым – совращаться.
Мне – от рожиц не спешить,
с бором не прощаться.

ДАВНО НАБОЛЕЛО ТАКОЕ

Отсырела земля. Потеплело.
в берёзах пульсирует сок.
Такое внутри наболело –
не снимет плакучий лесок.

Уйти ли от дум невесёлых,
от суровых и грустных реалий.
Не живинки в заброшенных
сёлах,
города «господа» обобрали.

Пока эта придурь у власти,
брехня будет длиться и длиться.
И будет народ в безучастье,
и кровь будет литься и литься...

В душе ни тепла, ни покоя,
Не в радость берёзовый сок.
Внутри наболело такое –
Не снимет оживший лесок.

* * *

Памяти Лантева М.П.

Не уйти от тоски и застоя,
ожиданья грядущих утрат.
Теряется слово простое,
на виду у крестов и оград.

Все цветы на могиле увяли,
не осталось ни слёз, ни речей.
Но высохнет скоро едва ли,
чуткой памяти скорбный ручей...

О, как наша незрелость жестока,
в отношениях – сухая сушь.
О, как было ему одиноко,
среди родственников,

вроде бы, душ. | 17

ЁЛКА

Андрей УГЛИЦКИХ,
г. Москва

Андрей Клавдиевич родился в 1955 году в г. Салавате (Башкирия). Окончил медицинский институт и Высшие литературные курсы при Литинституте им. Горького. Детский врач. Доктор медицинских наук. Публиковался в журналах "Новый мир", "Москва", "Юность" и др. Автор двух книг стихотворений. Член Союза писателей РФ. Основатель и главный редактор Интернет-издания «Журнал литературной критики и словесности» (<http://www.uglitskih.ru>). Живет в Москве.

«Господи, сколько же ждать? Сколько – еще?» – Лена, а по-домашнему, просто Елка, Елочка, метнула тревожный взгляд на часы. Одиннадцать вечера! Несмотря на отчаянные попытки Елки «сохранить лицо», продемонстрировать, хотя бы, видимость спокойствия, лицо молодой женщины выражало напряженное ожидание. Самой ей казалось сейчас, что оно, буквально, горит, пылает, еще она отчетливо ощущала тяжесть в висках и почему-то – стеснение в груди. Обостренный слух уловил, что лифт, вроде бы, встал, остановился на их этаже. «Сергей! Это он, он, он!» Елка метнулась в прихожую, и, распахнув дверь настежь, буквально выбежала на лестничную площадку. Но – на ...пустую! Никого! «Опять ошиблась! У меня – галлюцинации?!» Елка подошла к лифтовой шахте и, зачем-то, сама не понимая: зачем? – припала ухом к холодному пластику лифтовых дверных створок. Вначале – ничего не было слышно. Потом, спустя несколько мгновений, разобрала-таки, неотчетливое гудение подъемного механизма: лифт продолжал свою невидимую неутомимую деятельность, но где-то высоко-высоко. Или – напротив, намного ниже...

Вернувшись в квартиру, она подошла к окну, и, отдернув тюлевую занавеску, целую вечность, как показалось ей, вглядывалась в колодезную тьму. Как будто бы, видела знакомый с детства двор впервые. Хотя, на что там было смотреть: темно... шел снег... во дворе никого...

«Где он? Почему же так долго? Нет, права была мама, когда предупреждала, просила не спешить, не выходить за него! Когда умоляла отложить свадьбу, хотя бы, на несколько месяцев...» Елка ярко-ярко вспомнила тот нелегкий разговор, словно бы, состоялся тот пять или десять минут назад: да, примерно, месяца за два до свадьбы (еще колец не купили) мама, вдруг, ни с того, ни с сего, заявила: «Ты совершаешь ошибку! Он – прохвост и бабник. И у него все это на роже его, смазливой, написано! Транспарант-

ными буквами!» А она... она – не поверила! Матери, родному человеку – и не поверила! Елке стало стыдно, так стыдно, что она закрыла лицо руками. «Неужели мама была тогда права?! Прости меня, мамочка, прости! За то, что я на тебя обиделась. Оборвала на полуслове. Резко, грубо... За то, что этому, вот – поверила! Вот, где, где его носит?» Елке вдруг вспомнилось, что и тетя Катя, старинная мамина приятельница, говорила ей, примерно, о том же, предупреждая: «Леночка, подумайте сто раз, прежде чем выходить за вашего Сергея. Какой-то он у вас ненадежный...»

«Так, в итоге, и вышло! Вот и получается, что я – круглая дура! Набитая! Пробы негде ставить! И, ведь, все, предупреждали, все!» Обида клокотала внутри Елки, душила, искала выхода, какого-то разрешения: «Всем давно все понятно, лишь одна я ничего не видела! Курица слепая! Нет, подумать только – одиннадцать, уже...» Елка опять обожгла взглядом циферблат часов. «Нет, уже пятнадцать двенадцатого! Нет, я не понимаю, не понимаю, в голове не укладывается, может, я, и впрямь, такая бестолковая, я не знаю, но объясните, объясните мне, если вы все такие умные: ну, неужели же нет телефонов и нельзя позвонить, предупредить: мол, не волнуйся, милая, я задерживаюсь на работе, буду через два часа... Или – через три, там! Или – язык отвалится, руки онемеют, что ли?!»

Она вдруг осеклась на полупhrазе – «руки онемеют...»

«Господи, Господи, что же я несу-то?»

Елка ярко, почти воочию, представила себе своего Сергея, мужа любимого (два месяца, как поженились! Нет, уже два с половиной... Четырнадцатого – уже два с половиной!), Сереженьку своего ненаглядного, молодого, красивого, в новой кожаной курточке с меховым воротником, в курточке, цвет которой так хорошо сочетается с цветом кудрявых сережковых волос и, вообще, очень ему идет. Представила она себе Сергея своего недвижно лежащим, где-

нибудь, посреди холодного, заснеженного Московского проспекта, с переломанными руками, с раздавленной, расплющенной тяжелым колом самосвала грудной клеткой... Представила, похолодела и отругала себя, в сердцах:

«Дрянь! Какая же я – дрянь! Эгоистка! Как же я могла об этом не подумать! А вдруг, с ним, действительно, что-нибудь случилось, произошло? А вдруг, его машиной сбilo и он без сознания сейчас, и сказать, сообщить не может, не в состоянии, кто он и где живет?» У нее в очередной раз за сегодняшний вечер пресеклось дыхание. «Сережа, Сереженька, что же делать, ми-лы-ы-й!..»

В этот-то самый момент и ударил телефонный звонок. Тот, резкий, громкий. Прогремевший, как гром среди ясного неба! Настигший, как голос свыше... Елка метнулась к телефонному аппарату, по пути едва не сбив напольную вазу. Память о дедушке, между прочим... Который привез диковину эту еще в пятьдесят втором, из Китая. Был в командировке в Шанхае, помогая тамошним коммунистическим товарищам налаживать партийную работу. По словам дедушки, вазу эту вручил ему лично сам товарищ Мао Цзэдун. Великий кормчий. А дед, царствие ему небесное, привез ее в подарок бабушке. С тех самых пор она и почиталась в доме, едва ли не как святыня. Но сейчас, в данную минуту, Елке было, если честно, не до каких-то там святынь... Она сорвала трубку: «Сережа! Сережа!..» А в ответ лишь ...гудки. Рухнула на табуретку в прихожей и горько заплакала.

В этот-то самый момент и послышался отчетливый звук поворачиваемого в замке ключа, затем скрип открываемой двери... Это был Сергей! Живой и невредимый! Он вошел в прихожую, но – вошел как-то, странно, боком, почти что спиной, словно бы, увлекая за собой какую-то большую вещь... Закрыв входную, Сергей, повернулся, наконец, к жене, и тут же – отшагнул в сторону, открывая взору супруги ... елку. Настоящую, ароматную елку. Лесная гостья, и впрямь, была красавицей – метра под два ростом, пушистая, свежая, ядреная. По квартире стал стремительно распространяться терпкий запах хвои. Под елкой тут же начала образовываться небольшая лужица талого снега...

– Сережа, Сергей! – бросилась к мужу Елка, – где же ты был, почему же так долго! Я же волнуюсь, глаза все проглядела, а тебя все нет и нет. Собиралась уж в милицию звонить...

– Подожди, Елочка, подожди, видишь, я в снегу весь, – тщательно отряхиваясь, шуточно отбивался от жениных объятий Сергей, – я же тебе еще утром

сказал, когда уходил, что заеду после работы в Краснокаменск, за елкой, а там мобильные – не берут, чтобы ты не волновалась... Ты, что же, забыла, что ли, Леночек-цветочек мой?

И Елка, к стыду своему, вспомнила, вспомнила, что, действительно, было, что, и впрямь, Сергей, уходя утром на работу, говорил, бормотал ей, полусонной дуре, твердил про Краснокаменск, и про мобильник, а она, кулема, не поняла...

Елка направилась на кухню подогревать давно простывший обед. Помешивая ложкой сережин любимый луковый суп с овощами, на курином бульоне, она думала о том, какой замечательный супруг ей достался: заботливый и внимательный:

«Господи, какая же я счастливая! Да, вот, и мама, месяца за два до свадьбы, когда еще и колец не купили, и ресторан еще не успели снять, помнится, не раз и не два говорила: «Слава Богу, доченька, до чего же ты у меня везучая! Не муж тебе, похоже, достанется, а клад! Глаз с тебя не сводит, не надышится никак тобой!» Да, и лучшая мамина подруга – тетя Катя всегда одобряла выбор ее. Всегда! А она, дура, еще раздумывала – выходить или не выходить! А он – вон, какой оказался...» Елке было радостно, радостно вдвойне, втройне, оттого, что у нее не только такой замечательный муж, не только настоящая, крепкая семья, но еще и такая прозорливая и мудрая мама, которая никогда плохого ей не посоветует...

А елка между тем уже встала в центре большой комнаты в крестовине, вытянулась, как балерина на пуантах, и Сергей даже начал украшать ее елочными игрушками, которые с незапамятных времен хранились в верхнем правом ящичке югославского серванта, купленного еще в те незапамятные времена, когда Елочка-Леночка была еще маленькая-маленькая. Когда ее еще водили в детский садик, что некогда был на углу Бориспольской и Клары Цеткин, в теплой кроличьей шубке, девочку эту, так напоминающую прохожим красивую куколку, которую вели по засыпанному снегом тротуару, держа за маленькую ручку в синей вязаной варежке...

ВОЗЬМИ СВОЙ ПОСОХ И ИДИ

Максим ЗАРЕЗИН,
г. Москва

Драматическая фантазия в 4-х действиях.
/Продолжение. Начало в № 7 (45), 2011 г./
Действие второе

1 января 1914 года после полудня. Берег моря, припорошенный снегом пляж. Небольшой дощатый пирс. Ася Цветаева и Волошин. Он сидит на перевернутой вверх дном лодке. Ася прохаживается по берегу.

А. Незадолго до смерти отец позвал меня, сказал, что знает о моих семейных неурядицах. Сказал, что зимой собирается в Италию. Он думал писать книгу об архитектуре древнеримских храмов. Предложил поехать вторым: я, он, Андрюша, взять с собой няню. Я последнее время часто вспоминаю о его предложении. Представляю, что сейчас, будь папа жив, мы путешествовали бы вместе с ним по Италии. Ты же там бывал?

В. (кивает)

А. Я и сейчас представляю, что он жив, где-то рядом, а я прогуливаюсь по берегу ночной венецианской лагуны. Ведь это было так возможно, так близко... И все разрушилось, все разлетелось вдребезги. В буквальном смысле разлетелось. За несколько дней до его смерти разбился стеклянный шкаф, фонарь в кабинете, две лампы. Это был какой-то непрерывный звон и грохот стекла. (останавливается) Представляешь, папа умер спустя год после открытия музея, которому он посвятил всю жизнь, а на сороковой день умер Мальцев – его главный соратник в этом деле. Они ушли, едва успев сделать самое важное в жизни. Есть их фотография на ступенях музея – словно эти ступени их предел, долгожданный берег, к которому они так долго плыли. И это выражение его лица в гробу – почти довольства, почти радости. До последнего он ни разу не заговорил о возможности смерти. Умер без священника, хотя был религиозен. Значит он действительно не понимал, что умирает... (оборачивается к В.) А ты веришь в бессмертие души?

В. Верю.

А. А я не верю. И знаю, что если я умру или себя убью — то меня не будет больше никогда и нигде.

В. Вот ты и разочаруешься, потому что останешься такой же, как при жизни. И муки, которые ты несла в себе — продолжатся...

А. Ну, об этом можно спорить всю жизнь, и спорить бесплодно. Потому что никто из живых мне не докажет, что смерти нет.

В. Совершенно необязательно спорить целую жизнь, Ася. Гораздо проще — поговорить с теми людьми, которые это достоверно знают.

А. То есть?

В. Какие были по ту сторону, в другом мире, и вернулись назад.

А. Это для меня вздор. Я бы сочла, что или этот человек или я сошли с ума. Потому что для меня главное — разум. И весь мир стал бы вверх дном в ту минуту...

В. Это и должно быть. Наступает момент, когда все, во что ты верил до сих пор, становится иным, все встает вверх дном. Будет полное перерождение, абсолютное. И затем — не забывай, Ася, что есть люди, чья миссия есть миссия отрицания. Бунт. Однако бунт может быть ближе к Богу, чем вера. Пути к Богу различны. Христос

говорил, что в царствии небесном больше радуются одному обращенному грешнику, чем девяносто девяти праведникам...

А. (забравшись на пирс) О, это очень тонкая мысль! Еще бы! Девяносто девять глупцов или один умник? Приятно к себе залучить умника. Да еще такого, который сам отрекся от своего ума — уж он-то глупец навеки, никогда не возмутится, никуда из рая не уйдет. А проповедовать-то как будет... (простирает руки к морю, изображая проповедника)

В. Ася, дай договорить. (встает с лодки) Есть одна индусская легенда: в ней предстает душа перед Брамой, и Брама ей говорит: тебе остается уже немного воплощений, чем ты хочешь быть: еще шесть раз святым или два раза — дьяволом? И душа отвечает: конечно, дьяволом. Это легенда показывает, что пути различны, но цель одна. И путь дьявола стремится к тому же, только он труднее, чем путь святого. Непокорность — самое сыновнее чувство, непокорные вместе с Творцом творят мир. Но существует еще одна важная проблема: это непонимание того, что есть Бог. В твоих словах я вижу отношение к Богу, как к какой-то высшей и чуждой силе, которая смеет тебе приказывать. Но есть другое отношение к Богу. Чувство Бога в себе, когда я сам — Бог.

(после паузы, изменив тон, лукаво)

Но божество мое проголодалось.

А. Макс, теперь я лучше понимаю, почему от тебя убежали собаки. Ну, так давай вернемся в дом.

В. Да нет, обойдусь. А вот, что надо бы сделать — зайти к Юнге.

(появляются Марина и Сергей)

М. А мы пытались в саду играть в снежки. Но снега так мало. Пока ехали сюда, казалось, метель наметет целые снеговые горы. И куда все делось...

В. Новый год слизал.

А. Или Макс с голодухи.

С. Между прочим, пока вы прогуливались, приходил печник. Оказалось, что печь от пола вместо фундамента отделял один слой кирпича. И представьте, что он еще сказал: «Если в первый день Нового года случился пожар, значит, весь год гореть будет». Это прямо к нашему вчерашнему разговору о пророках и пророчествах.

М. Да, Бог с ними с пророками. Вчера Макс явил нам настоящее чудо. Призвался, как ты заговорил пламя? «Скажи нам чудесник, любимец богов...»

В. (неохотно) С огнем у меня давние отношения. Однажды в гостях я стоял возле гардин — и, представьте, они зажглись в моих руках. Пришлось соврать, что у меня были спички. Я устыдился этого феномена, как человек, которому слишком везет в карточной игре, смущается, не сочтут ли его шулером. Тогда зажглось, теперь погасло. Почему, право — не объяснить.

А. *(видя смущение В.)* А у Марины новое стихотворение.
В. Так что же ты столько времени молчишь? Маринушка! Не томи!

М. Хорошо. Хотя бы предпочла дальше пытаться Макса. Стихотворение написано пятого дня. Посвящается генералам двенадцатого года. Ася!

(М. и А. встают рядом, читают вдвоем в унисон)

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса.
И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце вырезали след –
Очаровательные франты
Минувших лет.
Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу, –
Цари на каждом бранном поле
И на балу.

Вас охраняла длань Господня
И сердце матери. Вчера –
Малютки-мальчики, сегодня –
Офицера.

Вам все вершины были малы
И мягок – самый черствый хлеб,
О, молодые генералы
Своих судеб!
В. Bravo!

М. Это я посвятила Сerezеньке.

(подходит к С. обвивает его сзади руками, тот вежливо отстраняется)

С. Слышал забавный анекдот: когда готовились к столетию Бородино, устроители торжеств решили разыскать очевидцев тех событий. И вот нашелся древний старец, который якобы видел самого Наполеона. «Помните, – спрашивают, – дедушка, Буонапартия?» «Помню, – отвечает, как же не помнить!» И вот наступило празднество, гремит парад, вокруг блестящая публика; самого царя подводят к деду. – Ну, что мол, видел Наполеона, какой он из себя был, рассказывай. – Как же не видеть, видал супостата – роста высоченного, бородачица по грудь, как сажа черна...

В. Бородачица? *(смеется, после паузы)* Мы с Асей собирались к Юнге. Поздравим соседей, заодно проведем животных.

М. Идите, Ася, мы задержимся.

(Волошин и Ася уходят)

С. *(выходит к рампе, которая обозначает береговую кромку. М. становится за ним)*. Никак не могу привыкнуть к морю. Наверное, это и невозможно: ему не дано стать обыденным, повседневым. В доме деда я часто уединялся с томиком Пушкина в старинном кожаном переплете. Как сейчас помню впечатление от этих строк. Никогда не виденное море вставало передо мной то тихое и голубое, то бурное. Я бредил им, всем существом стремился наконец узнать «Его брега, его заливы, и блеск, и шум, и говор волн». И когда достиг его берега, встретил здесь тебя, и с тех пор моя душа слилась с твоей морской душой.

(только теперь оборачивается к Марине)

М. Быть может мы встретились на этом самом месте. Зимой все так переменялось – ничего не узнать.

С. Нет. Кажется это было ближе к Карадагу. Мальчик и девочка, собирающие разноцветные камушки. И взгляд этих глаз, который все решил.

М. Нет, этих, этих, этих! *(целует его в глаза)*

М. Ты дух морской стихии, то тихой, то бурной... Но

всегда близкой и желанной. *(обнимает Марину)*

М. Два года! Два с половиной года счастья, которое мы заслужили больше всех прочих. Разве ты думаешь иначе?

С. Да, это счастье...

М. Родной, но почему нам так хорошо, когда мы вдвоем, и бывает так трудно, когда рядом самые хорошие и близкие люди на свете. Ты раздражен, дуешься на меня...

С. Милая... Ты все время пытаешься воздурить меня на какой-то пьедестал, нацепить на меня лавровый венок... *(отстраняется)* Марина, тебе нужен герой! И, черт возьми, самое любопытное, мне нравится, да нравится красоваться на этом пьедестале, когда ты – только ты – смотришь на меня. *(забирается на лодку, словно на пьедестал)* Но когда вокруг другие, завеса спадает. Я вдруг понимаю, насколько глупо, смешно я выгляжу. Фигляр, жалкий самозванец, который притворяется царевичем. *(спрыгивает на землю)*

М. Да, мне нужен герой. Единственный. Несравненный. Рыцарь, палладин... Нужен. Но и тебе нужна героиня. Поэтому что мы сотканы из другой материи, чем иные. Будем верить в себя и друг в друга. И разве не в этом волшебство любви, когда в ее свете происходит преображение любимого.

С. *(иронично)* И что же остается делать самому преображенному?

М. А разве ты не жаждешь быть героем? Скажи честно. Помнишь, как в Германии ты разбудил меня и рассказал сон, где от тебя исходил свет и в котором ты получил частичку силы, чтобы сделаться пророком, святым, гением...

С. Я уже забыл, а ты помнишь.. Но это же сон, всего лишь сон.

М. Не приснится того, о чем не думаешь, чего не желаешь.

С. Марина, милая, милая, но если судить о нас только по мечтам и фантазиям, что же остается от живого человека. Кто его полюбит?!

М. ...«Полюби меня со всеми моими слабостями» – вот ты о чем. Но, это обманчивый путь, Сережа. Любить слабости, все равно что удобрять сорняки и тем губить цветы. Сад зачахнет. И человек погибнет. Нет, по мне лучше превозносить достоинства. *(неожиданно игриво)* А почему бы тебе не полюбить мои слабости. А какие, между прочим, у меня слабости. Назови их и расскажи, как ты их любишь! Сerezенька! Какие у меня слабости? Или у меня их нет? Я совершенна?!

С. *(широко улыбаясь)* Ты совершенна! Ты неизменно прекрасна как это переменчивое море!

М. И ты совершенен. Ты мой герой, и никто в этом меня не разубедит, никто не разочарует...

(жаркий поцелуй, появляются Ася и Волошин)

А. *(извиняющимся тоном)* А у Юнге темно, тихо. Мы даже не рискнули подойти близко. Вдруг они до сих пор не встали, а нас почуют собаки, поднимут лай.

М. Что-то меня зазнобило. Все-таки чертовски морозит. И Сerezе нельзя быть долго на холодном воздухе. Нам пора в дом. *(Марина и Сергей уходят)*

А. Неловко получилось. Кажется они разговорились о чем-то очень важном. А последнее время все чаще ссорятся. Не дай Бог, совсем рассорятся. А я в этом году рассталась с Борисом. *(задумчиво)* Какая-то напасть... Но у меня холод на сердце, полная бесстрастность к человеку, без которого, казалось, совсем недавно жить не могла. Неужели это я такая холодная, равнодушная. Или это что-то другое? Когда осенью здесь гостила Маргарита, ты испытывал что-либо подобное? Переживал?

В. Ничего. Только вспоминал...
Здесь все теперь – воспоминанье
Здесь все мы видели вдвоем
Здесь наши мысли, как журчанье
Двух струй, бегущих в водоем.

А. Значит только воспоминания?... Только это осталось.

В. Когда мы вместе бродили по парижским музеям, это была одна жизнь. Чудесная жизнь. Но соратничество, а не супружество. А когда мы поселились вместе, ее родные подняли целую бурю: за кого вышла – богема, разврат – как же, девушка из семьи издателей Сабашниковых, ушла к этому ужасному человеку. Даже горничные рыдали навзрыд над судьбой бедной барышни – я им представлялся полной противоположностью их мужскому идеалу. *(пауза, отсутствующим голосом)* Но главное наверное не в этом. Мы ведь никогда не были мужем и женой с Марго... Такой вот ужасный разврат... Увы, женщинам моя сущность надоедает очень скоро, и остается раздражение. У меня же трагическое раздвоение: когда меня влечет женщина, когда духом близок ей — я не могу ее коснуться, это кажется мне кошунством... А Маргарита... Она всю жизнь мечтала иметь бога, который держал бы ее за руку и указывал, что следует делать, что не следует. Я им никогда не был и не стремился быть. Бога надо искать ни на небе, ни в окружающих, а в себе самом и для себя. Я отдал Марго другому человеку, которого она почитала всезнающим и всемогущим, но и они не были счастливы. Счастливы бывают равные.

А. Этот печальный опыт подвигнул тебя прислать соболезнование на извещение Марины о свадьбе с Эфроном? Или это все-таки ревность?

В. *(чуть смущенно)* Ну, во-первых, это, уверяю тебя, не ревность. А во-вторых... На моих глазах расходились люди, которые прожили вместе 20-30 лет. Супружеские узы в наш век настолько ослабли, что рвутся от любого сильного движения, как гнилая веревка. Современный человек стал слишком индивидуалистом, чтобы отказываться от чего-то своего в пользу другого. Как только возникает угроза его индивидуальности, спасая ее, наш современник легко жертвует самым дорогим и близким человеком. Причем, под индивидуальностью может подразумеваться все, что угодно, к примеру, невинная привычка вздремнуть после обеда.

А. Значит, когда ты писал, что Сергей и Марина слишком настоящие, для такой лживой формы, как брак, ты лукавил. Дело не в лживости брака, дело в них самих, в нас.

В. Ты знаешь, что и мама очень сожалела об их свадьбе. Причем жалела прежде всего Сережу, который бросил гимназию, ничем не занимается. Она боялась, что Сережа скоро наскучит Марине, она бросит игру с ним в любовь.

А. Игру? Но как отличить где любовь, а где игра. Неискренность, фальшь? Но разве Сергей и Марина не искренни. Значит я и Борис были фальшивы.

В. Дело не только в наших изначальных порывах – они могут быть самыми нежными и искренними.

А. *(задумчиво)* Перед нашей свадьбой с Борисом, я попросила у отца благословения. В сущности, и без этой формальности брак состоялся бы. Но я настояла. Отец смутился, я даже тогда поцеловала ему руку. Все это было искренним с моей стороны, а теперь кажется, что я вовлекла его в нечто фальшивое и скороморшное. Так стыдно!... Ладно, перестанем об этом!... *(меняя тему)* А, между прочим, почему же меня ты не отговаривал от

брака? Или за год твой взгляд на узы Гименея переменились?

В. *(смеясь)* Ты хочешь, чтобы я превратился в профессионального браконенавистника?! Выискивал в газетах объявления о помолвке и засыпал женихов и невест грозными предостережениями? Рисовал перед ними ужасные картины их совместного будущего?

А. Нет, Максимилиан Александрович, значит, вы все-таки ревновали! Все очень просто. Просто как снег.

В. *(возмущенно машет руками)* Если говорить серьезно...

А. *(изриво)* Серьезно?...

В. *(не принимая тона, горячо)* Да, если говорить серьезно – дух века отравил наши поколения отвлеченным взглядом на естественные начала человеческих отношений. Еще Гете говорил, что идеальное отношение к женщине в конечном счете приводит романтиков в публичный дом.

А. Господин Волошин, неужели и вы... *(с деланным ужасом закрывает лицо)* Это чудовищно!

В. *(не замечая ее колкости, старается продолжать)* И эта отравка распространяется на все окружающее. Вчера я размышлял о готике, чем она так привлекательна для меня и для многих других – там есть первозданная цельность, которую утратила современная культура. А ведь это зеркало, в котором отражается и преображается мир; зеркало, которое дробиться на все более мелкие кусочки.

А. Максинька, ты далеко забрел. И стоит ли сетовать на время. Так ли уж все меняется.

В. *(успокаиваясь)* Ну, конечно, сейчас ты станешь цитировать Экклезиаста.

А. Ошибаешься: совсем даже не Экклезиаста, а Цветаеву-Эфрон, Марину свет Ивановну.

В. Ну цитирую, цитирую...

А. И так же будут таять луны
И таять снег,
Когда промчится этот юный,
Прелестный век.

Марина написала в Сочельник.

В. *(задумчиво)* Прелестный век...

А. Впрочем, хватит пророчеств!... *(появляется Сергей)*

С. Хватит пророчеств! Прибыл Адам и нас торопит в путь. Дорога очень скверная и до сумерек нужно вернуться в город.

А. Господи, как пролетело время! И как жаль расставаться!

В. Что ж поделаешь, вперед, друзья.

С. *(запевает)*

Из-за острова на стрежень,

на простор речной волны,

А. *(подхватывая песню)*

Выплывают расписные ...

Макса ...быстрые челны.

А. и С. На переднем сам Волошин... с огромной бородой... – Как у Наполеона!

В. Свадьбу шумную справляет
с персидскою княжной

А. и С. Позади он слышит ропот
Нас на бабу променял

В. Эй, заткнитесь, обормоты
Я и сам от ней устал!

(смех, все хором)

Эй, заткнитесь, обормоты,

Я и сам от ней устал...

(занавес)

* * *

Мне очень понравился «ЛитМ» № 7, 2011 г.

С особым интересом прочел хорошие стихотворения **Веры Гундаревой** и **Юрия Кабанкова**. Статья **Василия Самохина**, художественная проза **Николая Березовского** и **Геннадия Богданова** украсили 7-й номер «Литературного меридиана».

Отвечая на вопрос **Вячеслава Симоненко** о литераторе, недолюбливавшем слово «как», замечу: таинственный литератор, возможно, засекретился в московской радиостанции «Маяк».

Александр БОНДАРЕНКО,
г. Арсеньев

ОТЗЫВЫ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ
на интернет-публикации
авторов «Литературного меридиана»

* * *

О поэтической подборке **«У карты бывшего Союза» /Николай Зиновьев/.**

Здóрово!

Среди тотального примитива, среди тошнотворных графоманских отвалов – какая отрада встретить слово истины, золотые жилочки высокой поэзии!

«Не понимаю, что творится...», «У карты бывшего Союза», «Молитва» – просто блеск!

Читаешь такие стихи и утоляешь вековую ностальгию по Настоящему, подлинному, живому...

Павел БАУЛИН

* * *

О поэтической подборке **«У карты бывшего Союза» /Николай Зиновьев/.**

Великолепные стихи! Прямо из чистого сердца русского народа... По-моему, автор – гениальный поэт, которым вся Россия может и должна гордиться.

С низким поклоном и благодарностью

Юрий ФЁДОРОВ

* * *

Благодаря интернет-библиотеке Imwerden (www.imwerden.de) познакомилась с вашим замечательным изданием. В одном из номеров «Литературного меридиана» с удивлением и восхищением прочитала поэтическую подборку Валентина Яковлевича Курбатова.

Некоторое время назад жемчужинами моей библиотеки стали книги В. Курбатова «Наше небесное Отечество» и «Нечаянный портрет» (купила через Интернет-магазин «Болеро»), с неизменным интересом читаю его добрые статьи в «Литературной России», в других изданиях, какие удаётся достать в родном Хабаровске.

Спасибо Валентину Яковлевичу за бережное отношение к русской литературе.

С благодарностью –

Галина ПОЛЯКОВА,
г. Хабаровск

* * *

О поэтической подборке **Владимира Силкина**

Светлая грусть, умная грусть. Запоминающиеся, свежие метафоры (С берёз листва – как стружка из рубанка). И, конечно, выстраданное:

*Всё, что светлого есть в человеке,
И в двадцатом, и в нынешнем веке
Только русские и сберегли.*

«Фильм» напомнил Юрия Кузнецова с его «Атомной сказкой».

Павел БАУЛИН

* * *

Владимир Александрович, у Вас удивительно интересный журнал!

Очень буду рада, если Вас заинтересует сотрудничество с «Литературной Веной». Будем признательны за информационную поддержку.

С уважением,

Марина Н. Калашникова
Вена, Австрия

* * *

О поэтической подборке **Владимира Силкина**

Очень хорошие и светлые строки.

Зовут проспать и проснуться!

Но все-таки, наверное, быть русским – это и судьба и диагноз и приговор одновременно.

С уважением!

Олег ВЯТКИН

* * *

О поэтической подборке **Владимира Тыцких**

Ёмко, афористично («Красная Пресня», «Талант», «На вершине»). Но, порой, возникает чувство, что автору тесны рамки миниатюры, как некоего самоограничения. Искренне.

Павел БАУЛИН

* * *

В недавно вышедших номерах «Литмеридиана» появилось много представителей талантливой молодёжи из города Омска. Конечно, не все произведения омских авторов безусловно ярки и самобытны, кое-что могло бы и отлежаться, доработаться, но радуется молодой напор и желание трудиться над словом, что в наше время Интернет-графоманского засилья, безусловно, заслуживает и одобрения, и похвалы.

Так держать, Омск!

Валентин ФЕДОРЧУК,
г. Новосибирск

От редакции.

Спасибо вам, дорогие неравнодушные читатели! Надеемся и в будущем на ваши откровенные отклики.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ПРИСЫЛАЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

1. Произведение присылается **ОДИН** раз.
 2. Отдельные произведения печатаются на компьютере или печатной машинке с двойным интервалом. На обороте листа не писать и не печатать.
 3. Каждый лист рукописи должен быть подписан в правом верхнем углу: фамилия, имя автора (полностью) и наименование населённого пункта (в том числе – каждое произведение в электронном виде).
 4. Фотографии принимаются только контрастные, высокого качества.
 5. Произведения, присланные по электронной почте, имеют приоритет в публикации (**E-mail: Lm-red@mail.ru**). Текстовые файлы принимаются в формате WORD.
 6. При отправке корреспонденции в редакцию в графе «Получатель» необходимо указывать имя главного редактора Владимира Александровича Ко'стылева.
- Материалы, не соответствующие требованиям, а также работы, написанные неразборчивым почерком, и тем более – ксерокопии и неразличимые компьютерные отписки **не рассматриваются принципиально** и в работу **не принимаются**.

ПОДПИСКА НА 2012 ГОД

	полгода	год
«Литературный меридиан»	300 руб.	500 руб.
«Литературный меридиан» + газета «Былина»	320 руб.	520 руб.
газета «Былина»	150 руб.	300 руб.

Указанная сумма высылается почтовым переводом на имя главного редактора **Ко'стылева Владимира Александровича** по адресу издания:

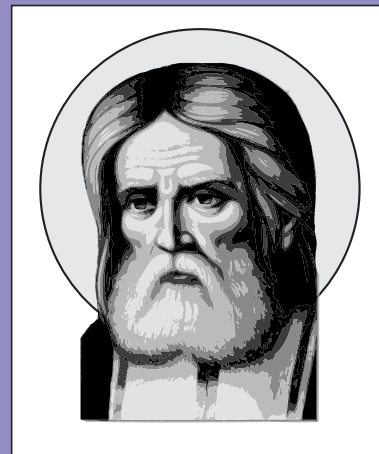
**692342, Россия, Приморский край,
г. Арсеньев-12, а/я 16, редакция ежемесячника
«Литературный меридиан».**

Ежемесячник высылается почтой (по указанному подписчиком адресу). Никаких дополнительных затрат подписавшийся **НЕ НЕСЕТ**.

Наш сайт: www.Litmeridian.ru

**ИЗДАНИЕ ВЫХОДИТ НА СРЕДСТВА, СОБРАННЫЕ
АВТОРАМИ, СОТРУДНИКАМИ РЕДАКЦИИ,
ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОВЕТА,
А ТАКЖЕ НА ПОЖЕРТВОВАНИЯ.**

Ежемесячник
«Литературный меридиан»
основан 15 января 2008 года,
в день памяти святого преподобного
Серафима Саровского чудотворца

ТРОПАРЬ, ГЛАС 4

От юности Христа возлюбил еси,
блаженне, и Тому Единому работати
пламенно вождеlev, непрестанною
молитвою и трудом в пустыни
подвизался еси, умиленным же
сердцем любовь Христову стяжав,
избранник возлюблен Божия Матере
явился еси. Сего ради вопием ти: спасай
нас молитвами твоими, Серафиме,
преподобне отче наш.

Рыбак. Фото Ивана Кончатного, г. Арсеньев

Париж. Автор фотографии Ирина КАНДЫБА, г. Иерусалим